

Анна Назаренко

**За хорошую плату
и крупицу надежды**

«SelfPub.ru»

2017

Назаренко А. А.

За хорошую плату и крупицу надежды / А. А. Назаренко —
«SelfPub.ru», 2017

Маленькая Тамика живет в разоренном войной городе, и все ее мечты сводятся к тому, чтобы дотянуть до следующего дня рождения и не попасться на обед диким зверям. Для Сельмы Амьер такие, как она - легкая добыча и быстрый заработок. Но руины Старого города таят много опасностей, и охота за маленькой рабыней может оказаться не столь легкой, как казалось на первый взгляд.

На улице опять что-то утробно завывало. Этот звук раздавался уже третью ночь подряд, и всегда в одно и то же время – за час-полтора до рассвета, когда ночное небо только-только начинало менять цвет с темно-синего на синевато-серый. Тамика не знала, что за создание могло издавать такой вой, и, заслышав его, на всякий случай с головой забивалась под драное одеяло: некоторые твари Старого города ловко ползали по стенам и легко выбивали старые стекла окон, заметив за ними какое-то движение. Тамика сама не видела: ей один мальчишка на рынке рассказывал, так натурально бледнея и озираясь по сторонам, что сразу становилось ясно – не придумывает, а в живых остался только потому, что быстро бегал.

Быстро бегать в Старом городе умели почти все. Как и прятаться. Кто не умел, тот долго не жил.

Вой вроде бы затих. Тамика еще какое-то время лежала, боясь шевельнуться и прислушиваясь к каждому шороху, но понемногу расслабилась. Звуки в комнате остались только привычные, безопасные и почти родные: свистел сквозняк по пустым коридорам, скрипели ржавые дверные петли, шурудили и попискивали где-то поблизости то ли крысы, то ли мыши, да стрекотали крылышками тараканы. С первого этажа раздавался, просачиваясь сквозь трухлявые доски пола, храп старухи Миллиты, который мог отпугнуть любого непрошеного гостя – заслышав такой, немудрено подумать, что в доме живет здоровенный мужчина вроде Крэга Мясника с соседней улицы.

Что бы там ни было, оно опять прошло мимо. Можно спать спокойно... насколько это вообще мыслимо в конце осени, когда ветра становятся все холоднее, зубастые твари голоднее, а бродяги – злее. Тамика с Миллитой на ночь подпирали дверь тяжелым комодом и давно уже заколотили досками все окна внизу, но засыпать все равно было немного боязно. И зябко. Тощий матрас, на котором ютилась Тамика, не спасал от стелющихся по полу сквозняков, а одеяльце из истрепавшейся и прохудившейся в нескольких местах шерсти помогало скорее блохам и клопам, чем ей. Тамика избавлялась от них как могла, но не проходило и дня, как противные букашки снова заводились в старом тряпье.

Она поворочалась, пытаясь устроиться поудобнее. Что-то неприятно хрустнуло – наверное, девочка придавила клопа, как раз собиравшегося к ней присосаться. Ветер за стенами дома задул сильнее прежнего, гроыхнув окнами в разошедшихся рамах. Издалека донеслись звуки перестрелки, но очень тихо: стреляли где-то в квартале, застроенном старыми бетонными высотками. Там в последнее время постоянно что-то происходило: наверное, кто-то нашел ценные вещицы и теперь не хотел ими делиться.

От этом Тамика думала, уже проваливаясь в сон: странное чудище, которому она не знала названия, ушло или затаилось, и ночь снова стала совершенно обычной. А завтра начнется совершенно обычный день, перед которым следовало хорошенько набраться сил.

* * *

Комната отдыха тонула в сигаретном дыму. Дохленькая система воздухоочистки натужно гудела и сердито мигала красными индикаторами, но безнадежно проигрывала бой ядреной "Черной Мэйбл", которую ошибочно причисляли к табачной продукции, в то время как являлась она скорее химическим оружием. Ее вонь была для Сельмы таким же символом "Частной охранной компании Маброха", как приметный логотип с лысым бугаем и тощая усатая физиономия самого господина Маброха: видимо, коллеги считали, что хороший наемный громила просто обязан смердеть хуже горящего дизеля. Часть своеобразной профессиональной этики – насколько это понятие вообще применимо к солдатам удачи самого широкого профиля.

Сельма этого негласного этикета не придерживалась, нагло пользуясь положенными даме привилегиями и попущениями. А вот Экнару, как мужчине, приходилось соответствовать.

– Тут босс халтурку подкинул, – лениво и будто бы между прочим сообщил он, перекаывая сигарету из одного уголка рта в другой. – Не по заказу, а лично для себя. Я как услышал, сразу о тебе вспомнил. Решил, что заинтересуешься.

– Халтурку, говоришь? – Сельма скептически прищурила глаза, и без того узкие от природы. Чтобы этот жучара поделился с ней делом, на котором мог навариться сам? Не иначе как босс возжелал дикую катакку на чучело или голову главного конкурента на блюде. – А сам что? Слишком занят или предложили мало?

Экнар изобразил оскорбленную невинность. Даже у проститутки получилось бы лучше, но Сельма оценила попытку.

– Сельма, ты это брось. Думаешь, я вообще без души и совести? Ты меня выручила в тот раз, я тебе помогу в этот, а потом опять по кругу. Тебе ж деньги на толкового адвоката нужны, чтобы у муженька своего бывшего квартиру отсудить? Или уже все, вопрос закрыт?

Сельма хмыкнула, дернув рассеченной шрамом губой. "Закрыт", куда там... бракоразводный процесс и раздел совместно нажитого мотали ей нервы похлеще недавней экспедиции в пустынные земли, после которой домой вернулись трое наемников из десяти, включая ее саму. В сразивший Экнара приступ порядочности женщине по-прежнему верилось слабо, но отрицать было бы глупо: лишние деньги ей бы сейчас пришлись весьма кстати.

– Допустим, я клюнула. И что же босс изволил пожелать?

– Девочку изволил. Угадай с одного раза, для чего.

Сельма поджала губы и гадливо скривилась. О наклонностях Маброха она знала не понаслышке: доводилось пару раз пригонять ему хорошеньких девчонок из пустынных земель и Старого города. Там легче всего набрать живой товар: зачастую достаточно было зайти в первое попавшееся селение и предложить старосте сотню-другую литтаров. По городским меркам – смешная сумма, но целое состояние для тех, кого жизнь заставила поселиться на землях, разоренных войной и брошенных государством на произвол судьбы.

Из всех заданий, когда-либо ей поручавшихся, эти Сельме были наиболее противны. Она бы и слова против не сказала, интересуйся Маброх взрослыми девушками: невелик грех – подложить под его тощее тельце девку с пустоши, которой и так дорога либо в рабство, либо в такую вольную жизнь, что уж лучше удавиться. Вот только совершеннолетние рабыни господина Маброха не возбуждали: ему все юных подавай, не потасканных.

Мерзость. Но привычная мерзость. Не этот раз первый, не этот последний, а деньги хорошо помогали от фантомных болей совести.

– Сколько лет должно быть девочке, и сколько собирается заплатить босс?

– Три тысячи гарантированно, а если симпатяшку сможешь подобрать, то есть вариант сторговаться до пяти.

– Что-то больно щедро. В чем подвох?

– В возрасте. Наш старый козел вконец охерел, Сельм. Ему теперь девчушку от десяти до тринадцати подавай, и ни годом старше. "Для коллекции", говорит.

Нет, мерзость в этот раз все-таки не привычная, а исключительная.

– Надо было с этого начинать, Экнар, – процедила Сельма, борясь с подкатившей к горлу тошнотой. Она еще могла, сморщив нос, таскать боссу пятнадцатилетних девиц, но десятилеток? От одной мысли мутит. – Считаешь меня настолько отбитой? Я женщина, если не забыл. Материнский инстинкт, все такое.

– Слушай, мое дело предложить, – примирительно вскинул руки Экнар. – Не хочешь – не берись, кто-нибудь менее чистоплюистый работу сделает. Но вообще, Сельм, какого ты тут классную даму из школы для благородных девиц строишь? Тебе за ту экспедицию в два раза меньше заплатили, а тут такие деньги, можно сказать, на дороге валяются. И ты еще нос морщишь, что они в дерьме чуть-чуть измазались!

Как приличной женщине, Сельме полагалось бы сейчас встать и гордо удалиться. Одна только загвоздка: к приличным женщинам она себя перестала причислять еще в те годы, когда воевала в наемничьем полку во вторую тайерскую кампанию. Моральные принципы еще пару раз агонизирующе дрыгнули ножкой и затихли, снова впадая в кому.

На сумму в три тысячи можно безбедно жить месяц-полтора. Пять стоила нахальная адвокатская рожа без единого проигранного дела на репутации. Повязать мелкую оборванку в Старом городе – дело нескольких часов, плюс еще два-три на дорогу, если накладок не выйдет. Задача – плюнуть и растереть. А что с душком, так то не ново.

– Я подумаю. Дашь мне фору в пару дней? Или уже успел разболтать всем желающим?

Экнар расплылся в широкой улыбке, сверкнув новыми, но уже слегка пожелтевшими от курения зубными имплантами.

– Сельм, обижаешь. Ради тебя, да сотни за две...

Сельма запустила руку в поясную сумку и сунула Экнару под нос две сотенные купюры.

– Да подавись.

– Знал, что ты не устоишь.

– Я же сказала: мне надо подумать.

Улыбка Экнара стала еще скабрее.

– Вот я и говорю, что не устоишь.

* * *

Рынок сегодня гудел громче обычного. Народу на нем всегда собиралось немало – как никак, единственное место на много километров окрест, где можно что-нибудь купить, продать или обменять, – но в этот раз давка была такая, что Тамика даже не видела прилавков за чужими спинами и головами. Несколько раз ее сильно толкали, и не падала она лишь потому, что натыкалась на чье-нибудь плечо, грудь или бок. Взрослые либо не замечали маленькую девочку, либо отгоняли от себя грубыми толчками или затрещинами: не из злобности, а потому, что дети часто лазили по чужим карманам, пользуясь маленьким ростом и проворством. Тамика тоже иногда так делала, чтобы не возвращаться к Миллите с пустыми руками, но без необходимости не воровала: если маленьких "щипачей" ловили, то дубасили крепко, без скидок на возраст.

Она с трудом протолкалась к трехэтажному кирпичному дому, одну половину которого занимала больница, а вторую – оружейный магазин старого Вилли. Ни то, ни другое Тамику не интересовало, зато интересовала железная лестница, по которой можно было забраться на крышу. Ухватившись за ржавые перила, девочка проворно полезла наверх, не забыв перешагнуть через особенно ветхую ступеньку. Лестница от ее шагов гремела, шаталась и дребезжала так, что некоторые взрослые нервно оглядывались.

"Когда-нибудь она точно рухнет, – подумала Тамика. – Хорошо бы вместе с Каной или Дамро, а не мной или еще кем-нибудь нормальным".

Как она и ожидала, на крыше уже расселась мусорными голубями почти вся обычная компания: шесть ребят и четыре девчонки. Некоторые крикнули Тамике "привет!" и помахали руками, некоторые молча покосились и кивнули, а кто-то и вовсе не обратил внимания – внизу, видимо, разворачивалось зрелище поинтереснее.

– Что там сегодня такое, а?

Тамика без лишних церемоний плюхнулась между Мираном и Кирни. Миран сердито шикнул на нее, а Кирни молча пододвинула подруге ополовиненный пакетик чипсов (где только достала!) и приложила к губам грязный палец с обломанным ногтем. Тамика тут же зачерпнула полную горсть, а взамен вытащила из-за пазухи пакетик самодельных сухарей. Дружба дружбой, но тех, кто только берет, а сам ничем не делится, никто не любит.

Внизу и впрямь происходило что-то необычное. Хрустя чипсами, Тамика перевесилась через край крыши, чтобы получше разглядеть собравшихся на рыночной площади людей. По приметной камуфляжной бандане тут же вычислила охотника Такрама, по толстой куртке с кожаными вставками и патронташным ремням – "человека, от которого лучше держаться подальше" Альдара, а по гигантскому росту и весело блестящей под солнцем плешу – Симьера, охранника Вилли-оружейника. Еще нескольких человек, полукругом обступивших что-то, сваленное на землю, Тамика помнила на глаз, но не по именам, а кое-кого не узнавала вообще. Напротив них стояла, скрестив руки на груди, Авидия – глава общины. Для Тамики она была почти кумиром: старая, слепая на один глаз, но очень крепкая и энергичная, Авидия держала в ежовых рукавицах весь район, даже сварливого богача Вилли и наглых братьев Джамалов, торгующих наркотой. Не то что Миллита, которая только и может, что ее, "приживалку", шпынять и гонять от дома всяких проходимцев, угрожая ветхим обрезом.

– Здоровая тварь, – Авидия пнула что-то мыском сапога, и Тамика едва не свалилась с крыши, пытаясь это "что-то" разглядеть. – Говорите, на северо-западе подстрелили?

– Да если б они только с одной стороны ползли, – Симьер сплюнул. – Еще одну точно такую же я вчера в дозоре видал. Возле дома Миллиты ошивалась, в стены скреблась. Старухе и ее малой батрачке крупно повезло, что они додумались все окна досками заколотить.

Мирам и Кирни уставились на Тамику во все глаза, а сама она подавилась чипсами и долго откашливалась. В результате прослушала часть разговора, но его все равно было бы не разобрать за поднявшимся гамом: в толпе начали что-то выкрикивать на разные голоса, и вскоре рыночная площадь зашумела не хуже помойки, облюбованной горластыми воронами.

Тушу монстра Тамика разглядеть не сумела, как ни пыталась: успела разобрать только, что та была здоровенной, покрытой темно-серой шкурой, а потом люди снова обступили тварь плотным кольцом, тыча в нее пальцами и бурно обсуждая.

– Так вот, что у нас по ночам выть повадилось...

– И у нас, – хмуро поддакнул Мирам, который жил с родителями и двумя старшими братьями в паре улиц от дома Миллиты. – Джас себя пяткой в грудь бьет, говорит, что пальнул во что-то из ружья прошлой ночью, и выть тут же перестало. Вспугнул, типа. Но, по-моему, врет он все. Тварюга, которую притащили Такрам с Альдаром, здоровая и зубастая, и когти у нее длинней с твою ручонку. Если в такую пальнуть, она только озлобится.

Кирни сосредоточенно почесала острый носик – так она всегда делала, когда боялась, но не хотела этого показывать.

– Точно. Такрам сказал, что всю обойму в эту гадину всадил, а она еще трепыхалась и чуть его не укусила. Тамик, может ты сегодня не пойдешь в руины? Перетопчется твоя старуха денек-другой без товара, ничего страшного.

– Ага. А я перетопчусь без еды. Кирни, ты ж знаешь, какая она. К тому же... – Тамика, храбрясь, ощерила зубы и сделала страшные глаза, – одна из этих тварей все еще где-то рядом. Ползает по нашему району. Может, она сожрет Миллиту, пока я буду лазить по руинам и собирать хлам.

– Может, отравится, – серьезно поддакнул Мирам. – Хоть какая-то польза от этой старой карги будет.

Все трое весело рассмеялись, преувеличенно задорно и громко. Так смеются, только когда сильно перетрухнут.

На самом деле, Тамике совсем не хотелось выходить за пределы обжитых районов, когда вокруг шныряют какие-то страшные твари, которых даже автоматная очередь не берет. Но оставаться без еды и получать оплеухи от сварливой старушечки хотелось еще меньше.

* * *

Для того, чтобы выехать на заброшенную часть шоссе, Сельме пришлось миновать три КПП, предъявив на каждом оружие, документы на оное и лицензию на "негосударственную

военно-охранную деятельность". Большинство наемников Маброха обходилось без последней – лицензия была оформлена на контору и автоматически распространялась на всех ее работников, – но Сельма предпочитала потратиться раз в год на личную. Деньги, которые она отбивала на левых контрактах, с лихвой компенсировали государственную таксу.

– На сафари? – хитро подмигнул ей парниша в армейском камуфляже, возвращая документы. Скалился он паскудно и Сельме не понравился с первого взгляда: молоденький и наглый, такие обычно из штанов выпрыгнуть готовы, лишь бы выслужиться.

"Сафари" что у наемников, что у служак означало нелегальный угон в рабство оборванцев из зон отчуждения и с недавних пор каралось пятью-двенадцатью годами каторги. Раньше можно было отделаться штрафом в три цены "мяса", но воротили невольничьего бизнеса все ж таки протащили через парламент ужесточенную редакцию закона. Слишком больно, видать, били по их толстым кошелькам нелегалы, сбывавшие рабов напрямую заказчику – дешево, без бумажной волокиты и налогообложения.

– Какой догадливый.

Наглая физиономия парниши приятно поскущнела, а улыбка скислась, когда Сельма жестом фокусницы достала третью лицензию. На частную работоторговлю в рамках малого предпринимательства. Покупка этой корочки – настоящей и чистой, хоть через десяток проверок прогони, – стоила Сельме накоплений за полгода и, как следствие, двух проигранных бывшему муженьку судов, но зато избавила от лишней нервозности. Ей, в отличие от более прижимистых коллег, ни к чему было прятаться от каждого патруля и добираться от Лайотры до Старого города и обратно окольными путями, в обход КПП и камер видеонаблюдения.

Паренек разглядывал лицензию так и эдак, тщетно ища приметы подделки или, на крайний случай, истекший на неделю-другую срок действия. Не найдя, сник окончательно и, буркнув дежурное "счастливого пути", махнул рукой товарищам в будке. Тяжелые стальные ворота поползли в стороны, грохоча и вздымая в воздух клубы пыли.

Сельма безразлично подняла оконное стекло (не хватало еще глотать пыль в машине) и заставила старенький, но крепкий "Налетчик" с места выдать две сотни в час. Двигатель в "Налетчике" стоял мощный, рассчитанный на вес бронированного корпуса, так что "облегченная" модель разгонялась не хуже спорткара средней паршивости, но при этом энергию кушала экономно, как и положено добротному военному вездеходу. Ничего удивительного, что бывший предлагал без суда выменять "Налетчика" на квартиру. Сельма посоветовала ему сходить с такими предложениями в гей-клуб и просветлиться, и ни разу еще о своем ответе не пожалела. Ветеранская пенсия закончилась вместе с предыдущим составом правительства, так что купить хотя бы в половину такого надежного "коня", как этот, ей с нынешним уровнем доходов не светило.

За воротами цивилизованный мир обрывался так резко, будто его взяли и отрезали ножницами. До первого КПП путь пролегал через сонные пригороды с красивыми особнячками и пышными садами за высокими заборами; до второго, обозначенного символическим шлагбаумом, – через поселки попроще. Добротные дома вперемешку с халупами, разномастными магазинами, больницами и школами тянулись вплоть до третьего блокпоста и ворот в дикие земли.

Сразу за ними кончалась безопасная Лайотра и начиналось наследие трех минувших войн. Опустошенное, нищее, безысходное. Сельма знала многих, кто находил в диких землях нечто по-своему привлекательное, но сама она предпочитала не задерживаться без причины среди руин, болезненно-сухой земли и местных обитателей, для которых ее кошельки, оружие и новехонькая кожаная куртка были пределом мечтаний и хорошим поводом для нападения.

А еще здесь водились зверушки. Много дивных зверушек, которых тайерцы, отступая, оставили в подарок войскам Литтера. У монархистов всегда было хорошо с выдумкой, и

если их лазерное оружие Сельма считала дорогим баловством, то в эффективности оружия биологического убедилась на собственном печальном опыте. Весь Литтер убедился, и в особенности – историческая часть Лайотры, превратившаяся после войны в рассадник злобных тварей. Известно оказалось гораздо накладнее, чем бросить Старый город и всех, кому не повезло пропустить эвакуационные рейсы, отгородившись от него крепкими стенами под высоковольтным напряжением.

Трагедия по общечеловеческим меркам, зато неиссякаемый источник дохода для таких, как господин Маброх и Сельма. В отсутствие войн ветеранше неполных сорока лет надо как-то зарабатывать на жизнь, и пусть подавятся своей высокоморальностью те, кто вздумает осуждать ее за это.

Она прибавила громкость аудиосистемы, и салон наполнился визгом электрогитар. Аджаар Тевьер бодро рычал что-то о безбашенном анаρχисте с огнем в сердце и пуль в виске, на соседнем сиденье тряслась старая добрая винтовка, оказавшаяся намного надежнее сослуживца-муженька, а в багажнике дожидался своего часа джентльменский набор работяги – электрошокер тайерского производства (трофейный, честно снятый с трупа типичника из Королевской тайной службы), наручники, кляп и крепкий поводок, способный удерживать разъяренного медведя.

Охота обещала быть легкой и прибыльной. Главное, не задумываться о том, что и как собирается делать Маброх с маленькой девочкой. Материнский инстинкт, недобитая совесть, ну это к черту...

* * *

В городе сегодня было не так уж страшно. По крайней мере, не страшнее, чем всегда. Поначалу Тамика, памятуя о здоровенной неведомой тварюге, пробиралась по улицам крадучись, вздрагивая от каждого шороха и чуть не до визга пугаясь обыкновенных крыс, но постепенно осмелела. Все было вполне обыденно: никаких выпотрошенных трупов или задранных новым монстром животных на дороге не валялось, из темных закоулков леденящего душу воя не доносилось. Ярко светило солнце, в лучах которого покинутые кварталы выглядели почти симпатично. Центр Старого города был совсем не таким, как северо-западные окраины, где, как болтают старики, тайерские оккупанты целых полгода держали свой штаб. Там ничего, кроме руин и ям, заполненных какой-то мерзко пахнущей жижей, не осталось: солдаты Литтера нещадно бомбили свой же город, чтобы выбить оттуда врагов, и в процессе не шибко заботились об окрестных домах и тех, кто в них жил. А вот в центре и дальше на юг, к широченной дороге под названием "автомагистраль", войны будто не было вообще: так, попадались иногда здания с обвалившейся стеной или просевшей крышей, и все. Если не знать про монстров, можно подумать, что люди просто взяли и дружно решили куда-то переехать, побросав свои жилища.

Тамика этого совсем не понимала. С иностранцами, значит, армия Литтера воевать могла, а с чудовищами в собственных городах – нет. Лучше бросить всех, кто не успел вовремя сбежать, и пусть выживают, как хотят. Сволочи какие-то это придумали. Наверное, такие же, как мамаша Тамики, сдавшая ее на руки двоюродной тетке Миллите и свалившая в Новый город со своим богатым хахалем.

Девочка, сморщив нос, обошла распахнутый канализационный люк. Оттуда несло, к тому же на асфальте вокруг него виднелись маленькие, но очень приметные выбоинки. Обычно чешуйчатые и очень когтистые дакки днем спали, выбираясь на поверхность только после заката, но Тамика предпочла не рисковать – обошла люк по широкой дуге и для верности перебежала на другую сторону улицы.

"И чего все такую панику развели? – Тамика, храбрысь, вздернула нос и скорчила рожицу каменному лицу под крышей одного из домов. – Будто в окрестностях раньше зве-

рюг мало было. Ничего, выживаем как-то. И этих новых мужики от нашего района отвадят, справятся".

Настроение у нее было приподнятое. Ее любимые часики – ярко-розовые, с красивыми цветочками на треснувшем циферблате – показывали всего лишь половину четвертого, а рюкзак уже приятно оттягивал плечи, до отказа набитый полезными штуками. Сегодня у Тамики был хороший улов: несколько целых стеклянных тарелок и чашек, набор ножей, вилки и ложки из блестящего металла с затейливым узором и работающий тостер – тяжелый, но зато такой дорогой, что Миллита, продав его, могла даже расщедриться батрачке-племяннице на новую одежду. Только придурки-пацаны, мечтающие о крутых трофеях вроде оружия и драгоценностей, считают домашнюю утварь хламом. Это в нормальных городах есть заводы, где производят все нужное и даже не очень нужное, а тут попробуй купить у барахольщика завалящий чайник – несколько дней после такой покупки будешь недоедать. Оттого работа мусорщика в Старом городе считалась прибыльной и завидной: они и зарабатывали хорошо, и всегда могли оставить себе приглянувшуюся добычу.

Жаль только, что все деньги и хорошие вещи, которые добывала Тамика, доставались Миллите. Иногда девочка думала, что здорово было бы придушить ее во сне или, на худой конец, сбежать, но всегда с досадой отмахивалась от таких идей. Она пока слишком маленькая, чтобы самостоятельно о себе заботиться. Любой взрослый сможет ее ограбить и выкинуть из дома, и никто из общины не вступится. Лучше уж потерпеть старушенцию еще лет пять-шесть, а потом найти себе парня и поселиться с ним в одной из пустующих квартир. Может, ее парнем будет Мирам: Тамика точно знала, что нравится ему, хоть этот пень ни за что не признается первым.

Задумавшись, она чуть не пропустила очередной магазин. Остановиться заставила девица в красном нижнем белье: выцветшая красotka зазывно улыбалась с рекламного плаката и тыкала в сторону улицы бутылкой шампуня. У Тамики – как нарочно! – тут же зачесалась голова, не мытая уже две недели. Волосы, заплетенные в две тугие косички, за это время так загрязнились, что могли служить вместо шлема.

Шампунь пришелся бы очень кстати. Миллита, конечно, тут же отберет его и большую часть изведет на свои седые лохмы, но и Тамике капелька перепадет... при условии, что в магазине еще что-то осталось: подергав дверь, девочка обнаружила, что та не заперта. Значит, здесь уже кто-то наверняка побывал. Но заглянуть все равно стоило: даже целая команда мусорщиков не растащит весь магазин в одну ходку, да и шампуни почему-то за предметы первой необходимости никто не считал.

Уже прикрывая за собой дверь магазина, Тамика расслышала что-то странное. То ли вой, то ли просто ветер...

"Ветер. Тот вытень только по ночам вылезает", – подумала Тамика, сердясь на себя за трусость. И ничего у нее коленки не затряслись! А если и затряслись, то от усталости, и только.

Но дверь она все-таки закрыла поплотнее. Мало ли, кто тут шататься может.

* * *

Прямо посреди дороги развалилась каттака. Длинными лапами с причудливо изогнутыми суставами тварь лениво поскребывала по асфальту, счищая с когтей остатки добычи; мощным хвостом – пушистым и огненно-рыжим, хоть сейчас на воротник, – лупила по стене заброшенного супермаркета. Сельма, выругавшись, ударила по тормозам. Каттака сонно сощурилась и зевнула, демонстрируя внушительный набор клыков (у боевого ножа Сельмы лезвие было короче самого мелкого из них). Потянулась, сверкнув металлическими броне-пластинами, вживленными в шкуру на груди и боках. Тварь была старой, из тех, что попали на улицы Лайотры прямым из тайерских лабораторий, и явно считала себя вершиной местной пищевой цепочки. Сельма не имела ни малейшего желания это оспаривать: медленно,

чтобы не провоцировать зверюгу, дала задний ход и свернула на боковую улицу, кляня сквозь зубы тайерцев с их чудесами геной инженерии. Каттака издала хриплый рев, одновременно визгливый и низкий, но преследовать машину – здоровенную, рычащую, пахнущую резко и неприятно, – не стала. Мало ли, как больно такая может огрызнуться.

Уходить, правда, клыкастая тварина тоже не спешила, бессовестно ломая Сельме все планы. Дорога, облюбованная каттакой, вела к одному из местных островков цивилизации – несколькими обитаемым кварталам, огороженным самодельными стенами и баррикадами. Тамошние жители особой солидарностью не отличались, были весьма охочи до халявных денег и потому Сельму привечали, как дорогую гостью – с едой, напитками и уже подобраным ассортиментом живого товара. Вот только добираться до этого чудо-места теперь придется в обход, сделав крюк чуть ли не в полгорода – а то и шире, если на пути снова встретится что-то хищное и недружелюбное. Проверять, насколько эффективно старушка МЕТТ-19 косит тайерскую генномодифицированную живность, Сельма взялась бы только за дополнительную плату. Слишком хорошо знала, что косит с переменным успехом.

Она побарабанила пальцами по рулю, хмурясь на безликие многоэтажные дома, в окнах которых мелькали подозрительные тени. В высотках любила гнездиться какая-то летучая хрень, больше всего напоминающая вытянутую костистую пасть о двух кожистых крыльях. Совершенно безмозглая тварь: кидается на все, что движется, об инстинкте самосохранения даже не подозревает. Сельма прибавила скорость, торопясь убраться подальше – на ее любимом "Налетчике" и без новых стычек с агрессивной фауной хватало вмятин. Благо, навигатор любезно подсказывал, куда еще можно наведаться.

Ближайшим известным поселением была маленькая община в центре города, минутах в двадцати езды на запад. Вряд ли там не найдется родителей, готовых за разумную плату сбыть с рук лишний прожорливый рот. Всегда находились, сколько Сельма занималась своим ремеслом.

Пожалуй, это было печально. Но нет ничего глупее, чем ныть о несовершенстве мира, когда зарабатываешь ты именно на нем.

* * *

К половине пятого рюкзак Тамики пополнился бутылкой шампуня, загадочным флакончиком с надписью "кондиционер для волос", тремя упаковками мыла и пакетиком разноцветных заколок. Немного подумав, девочка перепрятала заколки в карман: будет ей и подружкам подарок, а Миллита перебьется. Все равно такие безделушки не продашь и не выменяешь на что-нибудь полезное. В Старом городе мало кого заботит красота.

"Ну, вот и все, – думала Тамика, застегивая рюкзак. Получилось не с первого раза: он был до того туго набит вещами, что едва не трещал по швам. – Теперь надо побыстрее домой, пока солнце не село. И пусть эта старая карга только попробует сегодня мясо зажать! Уйду к Джамиле в батрачки, а Миллита пускай сама по руинам ползает".

Тамика мстительно улыбнулась, представив, как мерзкая старушенция корячится под весом тяжелой сумки и прячется от монстров. А может, и правда уйти? Джамила вроде ничего, Таю почем зря не лупит и хорошо кормит. Жаль, что она очень тихая и робкая – такая вряд ли станет ссориться из-за батрачки со скандальной и злопамятной Миллитой. Нечего мечтать попусту.

Рюкзак оказался почти неподъемным, но Тамика все-таки смогла со второй попытки взвалить его на плечи. Обеспокоенно глянула в окно: даже сквозь толстый слой пыли на стекле было видно, что закат уже разгорелся вовсю. Если она не поторопится, добираться до общины придется по темноте, а такие вылазки не каждый взрослый мужик переживет, не то что маленькая девочка с гремющей и дребезжащей тяжестью за спиной.

Она приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы в образовавшуюся щелочку можно было протиснуться, и выскользнула на улицу. В магазине осталось еще много чего полез-

ного, так что Тамика покрутилась возле него пару минут, запоминая расположение: она обязательно наведается сюда в следующую ходку и прихватит краску для волос. Девчонки из бара наверняка хорошо за нее заплатят, да и самой прикольно будет попробовать...

"Черт! – вспомнив о девушках, Тамика остановилась как вкопанная. – Надо было те штуковины из отдела "личная гигиена" брать. Кирни говорила, что взрослым девчонкам и женщинам они очень нужны. Может, вернуться, пока далеко не ушла?"

Тамика обернулась и в ту же секунду поняла, что возвращаться – очень плохая идея. Из-за стены магазина, гогоча и переругиваясь, вывалилась компания парней. Одеты кто во что, как и все в Старом городе, но зато вооружены: один постукивал по плечу резиновой дубинкой, а за спиной другого вообще маячил приклад ружья. Что там у двух других, Тамика рассматривать не стала: бросилась наутек, торопясь скрыться в переулке. Может, ее не заметят...

– Э, малая! А ну тормози!

Сердце рухнуло в пятки. Тамика взвизгнула – не хотела, но как-то само вырвалось, – и припустила вдвое быстрее. Тяжеленный рюкзак оттягивал плечи и больно лупил по спине, но бросить его Тамика не могла: хрен им, сволочам, а не ее добыча! Ничего, она даже с рюкзаком шустрая и ловкая, удерет и спрячется так, что ее в жизнь не найдут!

Позади раздавались насмешливый свист и улюлюканье. Оглушительно гроыхнуло ружье, и Тамика, оступившись от испуга, с визгом упала на асфальт, ободрав коленку и до крови рассадив ладони. Драгоценный рюкзак навалился сверху, вышибив из девочки дух и придавив, будто камень – лягушку. Тамика хотела тут же вскочить, но коленку и лодыжку прожгло болью, а уставшие руки подломились, когда она попыталась опереться на них.

От боли, ужаса и обиды Тамика едва не разревелась. Почему она не может встать?! Они же близко, совсем близко, вот уже шаги прямо над ухом слышатся!

Кое-как, всхлипывая и пошатываясь, она смогла подняться на четвереньки. Позади раздался визгливый лающий хохот, и в тот же момент чья-то рука крепко схватила ее за шиворот, вздернула на ноги и развернула. Парень – тот, что с ружьем и ярко-красным ирокезом, – осклабилсЯ и, будто играясь, пощекотал Тамику по носу грязным пальцем. Остальные бандиты заржали, решив, что их главарь отмочил очень смешную шутку.

– Ты у нас типа шустрая, да? Я кому стоять сказал, а, малая? Взрослых, значит, не слушаемся?

– Пошел ты! – взвизгнула Тамика и попыталась пнуть "ирокеза" по ноге. – Петух срачный!

– О-о-о, да мы еще и хамим! – "Ирокез" пинка, пришедшегося по голени, вообще не почувствовал – только заулыбался шире прежнего. – Родители ты что, вообще не воспитывали? Так мы исправим! Касс, рюкзак с малявки стащи, она сегодня игрушек не заслужила.

Под дружный гогот бандитов Касс, оказавшийся шуплым и прыщавым шкетом лет шестнадцати, сорвал с плеч Тамики рюкзак и чувствительно шлепнул ее по задку, заслужив новый взрыв одобрительного смеха. Раскрасневшаяся, зареванная и перепуганная Тамика только и могла, что протестующе пищать ругательства и беспомощно дергаться. Лапища у "Ирокеза" была крепкая.

– Может, научим мелкую сучку уважать старших? – встрял кто-то третий. – У нас тут всех есть, чем ей пасть заткнуть, чтоб не выражалась!

Тамика, сообразив, о чем речь, задержалась сильнее и попыталась укунить главаря за руку, но бандитов это только развеселило. Паскудно склабясь, "Ирокез" отпустил ее и тут же, не успевшая восстановить равновесие, наотмашь ударил по лицу. Тамика вскрикнула от боли и едва не упала.

– Не, мне тут кое-что другое в голову пришло. Слышь, мелкая, будешь хорошей девочкой? Мы тебя тогда трогать не будем, с собой возьмем. Толстомордым из Нового города тебя можно будет за хорошие бабки загнать.

Тамика бешено замотала головой и попятилась. От ужаса мысли метались, как испуганные помойные крысы: бежать, закричать, молчать, заплакать, слушаться, царапаться, дать в зуб, пинаться, бежать, бежать, бежать...

– Бля, мужики, это что?!

Бандиты разом обернулись в сторону, куда тыкал пальцем Касс. Тамика подобралась, напружинила ноги, готовясь вскочить и дать стрекоча... и тоже замерла, услышав странный то ли гул, то ли рев. Что бы его ни издавало, оно стремительно приближалось.

Первым бросился наутек "Ирокез". За ним, опомнившись, и все остальные. На бегу Касс отшвырнул рюкзак Тамики, и тот со звоном и грохотом полетел на асфальт. Тамика в два прыжка оказалась рядом с ним, подобрала и, только почувствовав, какой он тяжеленный, обругала себя последней дурой. Ей когти рвать отсюда надо, а она за мусор цепляется!

Рев меж тем становился все громче. Тамика, все еще сжимая рюкзак обеими руками, обернулась, да так и застыла, глупо раззявив рот.

Звук, так напугавший "Ирокеза" с его ушлепками, издавал вовсе не зверь, а машина. Тамика постоянно натыкалась на них, бродя по городу, но никогда прежде не видела работающую – только брошенные и заржавленные. А вот теперь увидела: железная громадина неслась над дорогой, гоня перед собой теплый воздух и клубы пыли. Неужели кто-то из Нового города наведался?

Тамика поспешила убраться с дороги и прижаться к стене. Умом она понимала, что водителю попадаться на глаза не стоит – от гостей из Нового города добра не жди, это всем детям в общине вдалбливали чуть ли не с рождения, – но любопытство оказалось сильнее. Когда она еще вблизи на такую диковинку полюбуется?

Тамика почти не сомневалась, что водитель ее не заметит. А даже если заметит, ну и что? Какое дело богачу из Нового города может быть до тощей девчонки в лохмотьях?

Так она размышляла чуть меньше минуты. Ровно до того момента, как машина начала сбавлять ход.

* * *

Небывалая удача таращилась на Сельму большими недоверчивыми глазами. Как зверек, выросший в лесу, но привыкший получать угощение от любителей дикой природы, девчонка не спешила удирать от непонятной тетki, вылезшей из машины. Вместо этого она покрепче прижала к себе увесистый рюкзак, который явно был тяжеловат для ее тощих рученок, и скорчила забавную (наверное, в воображении детеныша очень грозную и серьезную) мордашку. Сельма улыбнулась, ступая к жертве мягко и неторопливо. С такими надо, как с птичками – не делать резких движений, подкормить, дать успокоиться... и затянуть силоч прежде, чем глупое создание очухается.

– Вам чего? – глупое создание попятилось и набычилось еще сильнее.

Сельма развела руками, демонстрируя пустые ладони. Девчонка наверняка заметила набедренные ножны и торчащую из них рукоять боевого ножа, но вряд ли это ее сильно насторожило: без оружия по Старому городу ходили лишь те, кто не мог себе его позволить. Шокер – то, что за версту выдало бы в Сельме охотницу за живым товаром, – был надежно закреплен под широким рукавом куртки. Выхватить – секундное дело, а добыча чувствует себя спокойнее.

– Заблудилась. Хотела засветло добраться до Баррикадного города, но чертова каттака перекрыла дорогу. Пришлось объезжать по незнакомым районам. Не подскажешь, далеко еще?

Маленькая оборванка сосредоточенно нахмурила лоб и потерла его грязной ладошкой, размазывая по коже пыль, замешанную на поте. Сельма меж тем сделала еще несколько шагов по направлению к ней, но девчонка то ли не заметила, то ли не придавала значения. Славно.

– Круто вы плутанули. Это вам к северо-западу надо, а вы к центру поехали. До темноты теперь точно не доберетесь: отсюда напрямую не доедете, придется сначала выйти на широченную улицу... ну, знаете, там еще здоровые такие здания с колоннами и флагами, а оттуда по ней на север. Дальше сами сообразите, если не впервые в наших краях.

Пока девчонка важно надувала щеки и старательно копировала манеру речи кого-то из бывалых местных, Сельма почти подобралась к ней на расстояние удара. Одновременно она придирчиво разглядывала добычу, прикидывая, сколько за нее можно вытрясти из Маброха. Ясное дело, что три тысячи он заплатит сразу и без торга: педофилия – не та черта характера, которую принято выставлять на всеобщее обозрение, так что в стоимость подобных заказов босс всегда закладывал премиальные за молчание. Но получится ли добрать до пяти? Детеныш-то на ангелочка не тянет: тельце тощенькое, лицо худое и скуластое, носик острый, губы тонкие, волосы... может, окажутся неплохими, если хорошенько промыть и расчесать, но пока строительная пакля – и та лучше выглядит. Из однозначных достоинств – только глаза: большие, смотрятся трогательно.

"Сойдет, – заключила Сельма. – Тысячи на четыре потянет, если в товарный вид привести. Отмыть, причесать... можно еще подкрасить: цвет кожи выровнять, глазки подчеркнуть, щеки поддурманить. В первый раз, что ли, крысенка по цене ангелочка продаю?"

Краем уха она уловила какой-то странный звук. Списала бы на ветер, не будь он слишком гортанным и низким. Нет, так ветер не завоет, пройдя хоть через ржавую трубу, хоть через извилистый каменный переулок. Еще одна причина побыстрее зашвырнуть девчонку в "Налетчика" и убраться отсюда.

Сельма будто невзначай отвела правую руку – как раз для короткого замаха. Средний палец лег на неприметный, скрытый под рукавом крючок.

– Ну, ребенок, спасибо. А что ты здесь делаешь? Разве не опасно бродить одной по таким местам?

Девочка окрысилась и отступила. Сельма шагнула чуть в сторону, перекрывая наиболее удобный путь к побегу: теперь добыча оказалась зажата между стеной, хитро припаркованным "Налетчиком" и самой наемницей.

– А вам-то что? Брожу и брожу. Тут вообще жить опасно, если вы не в курсе.

Звук повторился. На сей раз – гораздо отчетливей и ближе. Девчонка, вмиг растеряв всю хамоватую браваду, испуганно вздрогнула и так вцепилась в свой рюкзак, будто хотела его порвать.

– Слышали?!

Сельма не только слышала, но и видела: по улице стремительно пронеслась тень. Резко задрав голову, наемница успела заметить на одной из крыш сгорбленный силуэт с длинным хвостом. Совсем рядом раздался дробный стук, когти заскрежетали о металл и кирпич. Шокер, уже зажатый в кулаке, так и остался не у дел: Сельма попросту сгребла девчонку за шкуру свободной рукой и толкнула к машине. Оборванка вскрикнула, ударившись о борт.

– Внутрь, живо! – рявкнула Сельма, распахивая дверь. Дважды повторять не пришлось: девочка пулей влетела в салон и сжалась в комок под сиденьем. Чертов рюкзак она так и не выпустила: обхватив обеими руками, прижала к себе, как плюшевую игрушку.

Сельма захлопнула дверь и обернулась – как раз вовремя, чтобы заметить тварь, пикирующую прямо на нее с балкона. Схватить винтовку с переднего сиденья времени не было: наемница едва успела откатиться в сторону, как совсем рядом с ней промелькнуло нечто темно-серое, и в нос ударил ядреный звериный запах. В воздух взметнулась пыль впер-

мешку с мелкими осколками асфальта. Девчонка, закрытая в машине, заверещала во всю глотку.

Тварь обернулась, выбив из стены искры наростом на кончике хвоста. Наконец-то Сельма смогла ее толком рассмотреть – хотя предпочла бы вовек не видеть. Таковую она встречала лишь однажды: не то обезьяна, перекачанная мутагенами, не то и вовсе биоконструкт, с рослого мужчину высотой и раза в полтора шире в плечах. Плоская морда ощерилась мелкими, но бритвенно-острыми зубами; локтевые суставы длинных рук выгнулись под неестественным до тошноты углом, когда чудовище изготовилось к новому прыжку.

Сельма бросилась к машине, но тварь оказалась проворнее: настигнув женщину одним рывком, ударила лапой. Сельма едва успела пригнуться, и смертоносные когти просвистели в миллиметре от ее головы. На несколько мгновений шея чудовища осталась незащищенной. Сельма без раздумий ударила шокером прямо туда, где под толстой шкурой пульсировала артерия. Тварь взревела дурным голосом, заметалась и вслепую забила лапами. Увернувшись, наемница что было сил уцепилась за ее шею свободной рукой и, подгадав момент, запрыгнула на спину. Пальцы скользили по гладкой шкуре, вся рука от кисти до плечевого сустава горела от напряжения, но Сельма все-таки сумела продержаться достаточно долго, чтобы сжать бока твари коленями и выкрутить на максимум мощность разряда. Вой перешел едва ли не в ультразвук: казалось, от него вот-вот порвутся в клочья барабанные перепонки. Чудовище извивалось, клало зубами и брызгало зловонной слюной, тщетно пыталось содрать "наездницу" со спины. Сельму спасало лишь то, что от болевого шока у монстра нарушилась координация движений, но долго так продолжаться не могло: шокер в ее руке уже вибрировал от перегрева и обжигал ладонь. Не дожидаясь, пока приборчик окончательно откажет, она отбросила его и, чудом не свалившись, выхватила боевой нож. Била все по той же артерии, но не попала: лезвие всего-навсего проткнуло шкуру и увязло в крепкой, будто камень, мышечной массе.

Визг чудища оглушил Сельму, ударил по ушам не хуже взрыва ультразвуковой гранаты. В тот же момент что-то врезалось ей в поясницу. Воздух вышибло из груди и легких: весь вышел в захлебывающемся крике. От боли мир потонул во мраке и слепящих разноцветных вспышках. Руки безвольно разжались, и Сельма соскользнула по спине твари вниз, попутно пересчитав все ее выпирающие позвонки. Запоздало пришло осознание: левый бок горит огнем, и рубашка там насквозь пропиталась теплой липкой кровью.

Открыть глаза почему-то оказалось труднее, чем приподняться на дрожащих, ослабевших руках. Еще до того, как Сельме все же удалось разлепить склеенные потом и солью веки, она уже знала, что увидит: тяжелые шаги твари раздавались прямо над ухом, шею обжигало ее дыхание. Еще немного, и все будет кончено. Из инстинктивного упрямства Сельма попыталась отползти подальше, слепо пошарила вокруг себя в поисках ножа. Она подняла взгляд, и придушенный истеричный смехок вырвался из горла: рукоять так и торчала из шеи чудовища, лениво прохаживавшегося вокруг наемницы и, кажется, выискивавшего на ее жилистом и поджаром теле более-менее аппетитные куски.

"Злорадствует, мразота. Издевается. Говорил же тот генерал на инструктаже, что эти обезьяны-переростки полумразны..."

Из обреченной прострации Сельму вывел глухой стук, с которым к ее ногам подкатилась штурмовая винтовка. Секундой позже тварь дернулась и возмущенно рявкнула, получив по башке увесистым обломком кирпича. Свирепо сопя и раздувая ноздри, она отвернулась от недобитой наемницы к новой "угрозе" – лохматой соплячке, копошащейся в пыли в поисках нового "снаряда".

От слабости у Сельмы мутнело в глазах. Руки тряслись, как у алкаша наутро после бурной попойки; бок онемел и пульсировал такой болью, будто по нему лупили раскаленным железным прутком. Но инстинкт самосохранения – штука донельзя упрямая.

МЕТТ-19 была облегченной моделью, сконструированной специально для мобильных диверсионных отрядов, однако сейчас она показалась Сельме тяжелее многоствольного пулемета. Оружие плясало в руках, очередь ложилась неровно, как у последнего салаги, но мимо такой туши трудно было промахнуться. Попад под шквальный обстрел, тварь задержалась и заметалась. Снова развернулась к Сельме, напружинила мощные задние лапы... одного прыжка ей бы хватило, чтобы размазать наемницу по асфальту. Та успела раньше: без промаха всадила в морду чудища остаток магазина, разворотив ее в кровавую кашу.

Они рухнули одновременно: тварь – навзничь, Сельма – на четвереньки. Ее била крупная дрожь, сердце бешено гоняло по телу кровь, насыщенную адреналином сверх всяких пределов. В голове словно поселился выводок сумасшедших дятлов, долбящих череп изнутри. Она меланхолично коснулась окровавленного бока, пустым взглядом уставилась на заляпанные красным пальцы.

Вроде дышит. Вроде кровью не захлебывается. Значит, могло быть хуже.

– Эй, вы как?!

Девчушка, которую Сельма наметила Маброху в подстилки, бросилась к ней, размахивая руками и развевая на бегу косичками. В больших глазах горел страх вперемешку с восторгом.

– Жить буду, – прохрипела Сельма. Худо-бедно поднялась, опершись на охотно подставленное плечо. – Винтовку подай.

Девочка подавилась потоком восхищенных слюней.

– А "спасибо" сказать не хотите?! – возмущенно пискнула она, однако винтовку владелице протянула.

Сельма поморщилась. Да, рабыня из нее так себе... бить будут много. Если они все-таки выберутся из этой треклятой дыры, конечно.

– Не шуми. Хочешь всю стаю на нас навести?

– Какую еще...

Вместо ответа Сельма ткнула пальцем туда, где малоэтажные старинные дома смешивались с бетонными высотками. Знакомые хвостатые силуэты ползали по стенам и прыгали с крыши на крышу. Догорающий закат играл злую шутку, то скрывая тварей в полумраке, то множа злоешие подвижные тени.

Девочка спала с лица. Судорожно вздохнув, прижалась к Сельме и крепко схватила ее за руку.

– Теть, – прошептала она напугано, – а у вас машина быстрая?

Тишину пререзал низкий гортанный вопль. Слишком близко, чтобы и дальше стоять на открытом пространстве, как две овцы на скотобойне.

– Вот и проверим, – Сельма, едва не потеряв равновесие, закинула винтовку на плечо. В глазах на миг потемнело. О том, далеко ли она уедет в таком состоянии, думать совершенно не хотелось. – Залезай в салон. Ехать будем с ветерком.

* * *

В глубине души Тамике всегда хотелось приключений. Настоящих, а не той унылой возни в развалинах, за которой она проводила каждый день: сколько ни бахвалься перед друзьями, а себя-то не заставишь поверить, что собирать мусор, копаясь в пыли, и при каждом шорохе прятаться по темным углам действительно так круто и захватывающе. Опасно – еще как, но ничуть не весело. А хотелось, чтоб как в книжках и потрепанных комиксах, целый ящик которых хранился у Мирама под кроватью: с перестрелками, погонями и лихими сюжетными поворотами.

Очень дурацкое желание. Тамика не знала, что за высшая сила его исполнила, но хорошо бы она взяла этот подарок назад, и поскорее. Не надо таких приключений, никогда больше не надо!

Где-то невдалеке снова взвыл монстр, перекрывая рев мотора. Женщина, сидевшая за рулем, от души выматерилась и прибавила скорость – хотя Тамике казалось, что быстрее ехать уже нельзя, иначе внутренности полезут изо рта и глаза лопнут в глазницах. По крайней мере, у нее точно. Жалобно и совсем не по-крутому хныкнув, она уткнулась лицом в сиденье. Каким-то чудом ее еще не вырвало, но это, наверное, оттого, что в животе все словно спрессовало и вдавило в спину. В окна Тамика предпочитала не смотреть: улицы и дома проносились мимо так быстро, что при взгляде на них мутило вдвое сильнее. Бешеная скорость даже выдула из головы страх перед чудовищами: Тамике уже было не до того, чтобы представлять свою жуткую смерть от их ужасных зубов и когтей – все эмоции и мысли слились в одно паническое "А-а-а!!!". Оно раздирало грудь, и хотелось наконец его выкричать, но горло будто сжала чья-то сильная ручища: ничего, кроме писка, через ее хватку не протискивалось.

Машина заложила очередной крутой вираж, и Тамик чувствительно приложило макушкой об дверцу. Девочка зашипела и попыталась принять более-менее устойчивое положение: читай, раскорячиться на манер паука и покрепче ухватиться за спинку переднего сиденья. В прямоугольнике окна мелькнул клочок неба – уже почти сизого, с бледными мазками розового, – но его тут же загородили сплошные кирпичные стены, замелькали тошнотворно-однородной массой. Машина сбавила ход: похоже, тетку угораздило свернуть в один из узких переулков с поворотами под прямым углом и понатыканными как попало пристройками. Здесь не разгонишься, даже если очень захочешь.

Тамика наконец смогла нормально усестся. Мир перед глазами все еще немного кружился, живот сводило спазмами, и сердце почему-то стучало одновременно в груди и горле, но в целом все было не так плохо. По крайней мере, ее до сих пор не съели. Воя чудищ тоже не слышалось: то ли отстали, то ли потеряли, то ли решили выпасать добычу скрытно. В последнее Тамике верить совсем не хотелось, и она решила, что будет верить в хорошее, пока монстр не заглянет прямо в окно.

– Вроде оторвались, – сказала она в пустоту. Просто потому, что хотелось хоть что-то сказать. – Куда мы сейчас?

Женщина не ответила. Даже головы не повернула: молча сжала на руле пальцы в кожаных перчатках и снова заставила машину ускориться. Тамика бы не отказалась увидеть выражение теткиного лица – по лицам обычно многое можно сказать и додумать, – но из-за сиденья видно было только ее чернявую макушку.

– Эй, тетя! Вы хоть знаете, куда ехать?

И снова молчание – разве что счесть за ответ хриплый вздох, до того громкий, что больше похож на стон. Вот теперь Тамика всерьез разволновалась: припомнила, как сильно женщине досталось во время схватки с чудищем. А что, если она уже на последнем издыхании и не соображает ничего? Тамика однажды такое видела, когда один из охотников вернулся в общину с разодранной, как гнилой матрас, грудью. И ведь дотащился как-то, сумел доползти до больницы – только мозги у него, кажется, отключились раньше тела. Перед тем, как умереть, он точно так же ни на что не реагировал и невнятно стонал.

– Эй-эй, вы там в порядке?!

– В порядке, – ответила женщина таким деревянным голосом, что Тамика поняла: ничего она не в порядке. – Заткнись и не отвлекай.

Тамика обиженно надулась. И что у взрослых за манера грубить в ответ на нормальные вопросы?

По крайней мере, чудовища больше не давали о себе знать. Точно отстали. Оно и понятно: кто за такой шустрой добычей угонится?

Немного расслабившись, Тамика с ногами забралась на сиденье, попыталась устроиться поудобнее. А тут мягко! Она потянулась, щурясь от удовольствия: после целого дня,

проведенного с тяжеленным рюкзаком на плечах, мышцы ужасно ныли. Внезапно навалилась дикая усталость: так и тянуло прилечь, уютно свернуться клубком и не думать вообще ни о чем. Тамика со всей силы ущипнула себя за руку, чтобы сбросить это сонное отупение.

Она еще не в безопасности. Нельзя быть в безопасности посреди Старого города, вдали от общины. И уж тем более – в компании незнакомой тетки, которая везет тебя неизвестно куда.

– Не заткнусь, пока вы не скажете, куда мы едем. Вы ведь даже не знаете, где я живу!

Переулок кончился, и машина, вновь оказавшись на открытой местности, набрала ход. Тамику инерцией отбросило на спинку сиденья. Тетка даже не шелохнулась, но дышала очень тяжело. Ей явно было плохо, и Тамику это беспокоило гораздо сильнее, чем планы незнакомки: она, по крайней мере, точно не собиралась полакомиться нежным девчоночьим мясом и могла завалиться из винтовки тех, кто собирался.

– Мы едем подальше от этих тварей. Утихни, если не хочешь стать десертом.

– Так в общине все равно безопаснее будет! Давайте я вперед сяду и расскажу, как туда добраться.

Не став дожидаться согласия, Тамика решительно полезла на переднее сиденье. Точнее, решительно попыталась ползть: на внезапном крутом повороте ее швырнуло обратно.

– Вы специально!

– Сиди... спокойно. Иначе...

Что "иначе", Тамика так и не узнала. Тетка вдруг гортанно зарычала, почти как та раненая зверюга: угрожающе и одновременно жалобно. Машину повело в сторону; лобовое стекло лишь в последний момент разминулось с несущимся прямо на него фонарным столбом. Дальше она заметалась кривыми зигзагами, будто за рулем сидел непрсыхающий пьяница Крэг-Мясник, и под рев мотора влетела в тупичок между двумя домами, каким-то чудом не задев бортами стены.

– Все, – выдохнула тетка. Голос у нее сделался совсем слабый – тихий и, вдобавок, дрожащий. – Привал. Сейчас... немного отдохну, и поедем дальше. Сейчас...

Она со стоном уронила голову на руль, так и не выпустив его из судорожно стиснутых ладоней. Ее сгорбленные плечи мелко затряслись. Одна рука соскользнула вниз, прижалась к боку. Теперь, когда стих гул двигателя, стало отчетливо слышно, что дышит женщина прерывисто, с присвистом. Будто тихо плачет.

Чувствуя, что в груди и животе гадко холодеет, Тамика намотала на кулак косичку и резко дернула. Обычно это помогало успокоиться и собраться, но, как видно, не сейчас. Липкий страх продолжал расползаться по телу, в считанные секунды оплетая позвоночник, сердце и горло. Чтобы прогнать его таким нехитрым способом, пришлось бы содрать с себя скальп.

– Теть, вам совсем-совсем плохо? – тихонько спросила девочка и тут же обругала себя бестолковой дурехой: нет, черт возьми, хорошо! Может, она вообще помирать собралась, а Тамика тут глупые вопросы задает. – У вас есть какие-нибудь лекарства? Или бинты? Ну, хотя бы крепкая выпивка и тряпки?

Женщина слабо застонала. Вслепую пошурудив рукой возле себя, нащупала какой-то рычажок, и спинка сиденья медленно откинулась назад, превращаясь в некое подобие кровати.

– Есть. В багажнике... то есть прямо за тобой. Там ярко-зеленый ящик с листом на крышке. Вытащи и дай его мне.

– Я знаю слово "аптечка", – буркнула Тамика. – Сейчас. Вы там не умирайте, ладно?

Судя по тихому смеху, умирать сию же секунду тетка не собиралась. Тамике очень хотелось верить, что в ближайшие несколько часов она не передумает.

Перегнувшись через спинку сиденья, Тамика принялась копаться в багажнике. За то время, пока они удирали от чудовищ, на улице почти стемнело, и рыться пришлось на ощупь. Под руки чего только ни попадалось: тюки какой-то ткани, разводные ключи, ящики, плоские металлические штуковины непонятного назначения... девочка поймала себя на том, что прикидывает, сколько можно выручить на продаже всего этого. Стало немного совестно: она ведь не мародерка какая-то! Ну, в смысле, точно не из тех, кто оставляет людей умирать или вовсе добывает, чтобы заграбастать их вещи. Наконец обнаружилась и аптечка – ее было нетрудно отличить по форме. У Миллиты под кроватью хранилась точно такая же. И такая же тяжелая: Тамика едва не крякнула, поднимая ее

– Чего достать? – деловито осведомилась девочка, откинув крышку. – Черт, ничего не видно... эй, тетя, вы меня вообще слышите?

Женщина слабо махнула рукой и защелкала клавишами на приборной панели. На стекла надвинулась темная полупрозрачная пленка; в следующую секунду в салоне зажегся неяркий свет.

– Давай сюда.

Тамика послушно пристроила аптечку между водительским и пассажирским креслами.

– Достань воду, бинты и пузырек антисептика. Еще антибиотик... мазь в бело-красном тюбике, написано "Гентамицин". Прочешь сможешь?

– Я не тупая, сейчас найду, – огрызнулась Тамика, раскладывая названное по сиденью. – Тут еще нож есть. Вам нужен?

– К сожалению. Положи пока, скоро понадобится.

Сцепив зубы, женщина осторожно поддела край куртки. В том месте, куда пришелся удар чудовища, ткань была разодрана в клочья и густо пропитана спекшейся кровью. Не надо быть доктором, чтобы понять: она намертво присохла к ране, и отдирать оставшиеся от одежды лоскуты теперь придется с мясом, даже если хорошенько их размочить. Тамика уже видела такое, когда помогала Марисе в госпитале в обмен на лекарства. Под лохмотьями, должно быть, отвратительное месиво, лечить которое так же больно, как и противно.

– Дай антисептик.

Женщина протянула трясущуюся руку. Схватить пузырек у нее получилось только с третьей попытки, и то он едва не выскользнул из ослабевших пальцев. Даже при том неярком свете, который давала лампа под потолком, было видно, что лицо у раненой смертельно бледное – про такое обычно "ни кровинки" говорят, и Тамика еще ни разу не видела, чтобы эти слова подходили настолько хорошо.

"Много крови потеряла", – констатировала она. Пожалуй, на такой нехитрой диагностике и заканчивались ее познания в медицине. Познания – но не умения. Уж что-что, а обрабатывала ранения девочка не так уж плохо. Не настолько жуткие, правда, но от вида крови и гноящихся тканей в обморок точно не грохнется.

– Стойте, – Тамика перехватила запястье женщины, когда та уже стянула перчатки и протирала антисептиком ладони. – Давайте лучше я. Самой себя штопать труднее, можете одуреть от боли и напортачить.

– Ты? – женщина скривила некогда красивые губы, рассеченные уродливым шрамом. – Детка, это тебе не царапину пластырем залепить. Не лезь под руку.

– А вот это вы зря, – нахмурилась Тамика. Меж тем она взяла бутылку воды и аккуратно, стараясь не потратить больше необходимого, побрызгала на присохшие к ране тряпки. "Пациентка" вроде не возражала, хотя и морщилась. – Меня хозяйка часто сдает в аренду врачихе, когда не хочет платить за лечение деньгами. Я много чего умею, вы не смотрите, что маленькая.

– Хозяйка? Так значит, ты рабыня?

Тамика случайно дернула за неразмокший лоскут, и он оторвался вместе с полоской кожи. Женщина придушенно выругалась. Тамика решила, что "блядь" – точно не про нее, а значит, обижаться не на что.

– Извините. И я не рабыня. Точнее, не совсем. Ну, Миллита, наверное, думает, что так и есть, но я могу в любой момент от нее уйти. Просто некуда.

Женщина хмыкнула и умолкла. То ли берегла силы, то ли не хотела продолжать разговор. Но Тамика часто слышала от Марисы, что с пациентами надо общаться, чтобы они отвлеклись от своей боли и не потеряли сознание. Тамике, с ее невеликими знаниями, было трудно сказать, собирается ли ее попутчица терять сознание, но это пришлось бы очень некстати: водить машину девочка не умела, а посреди ночи добираться на своих двоих до общины – гиблое дело. Да и оставаться одной отчаянно не хотелось. С теткой, способной в одиночку расправиться с чудовищем, хотя бы не так страшно.

– Тут руками не отдерешь, срезать придется...

– Тогда давай нож. И спирт, обеззаразить.

– Боитесь, что зарежу? Знаете, это было бы очень глупо.

– Вот твои добрые намерения меня и пугают. Прикончишь еще нечаянно, из лишнего энтузиазма... отрежь лучше еще бинта и найди иглы. Без швов не обойдемся.

Копаясь в аптечке и смачивая бинты антисептиком, Тамика краем глаза поглядывала на женщину. Шипя и тихонько матерясь, она очищала рану от кровавых корок, присохшей ткани и гноя. Несмотря на заметно трясущиеся руки, выходило у нее удивительно спорно: заниматься таким самолечением ей явно было не впервой.

"Интересно, что она вообще забыла в Старом городе? Ведь не бедная, даже если с другими толстомордыми сравнивать. И не сволочь. Вроде бы. Сволочь бы незнакомую девочку спасать не стала".

– Теть, а зачем вы меня спасли?

– Сама не знаю. Не трещи под руку.

– А если серьезно?

– Дай сюда бинт. Черт, а глубоко полоснула, зар-раза...

– Я сама, не дергайтесь. Ну, а все-таки...

Женщина одарила Тамику таким выразительным взглядом, что лезть к ней с расспросами вмиг перестало хотеться. Некоторое время сидели молча: Тамика, насупившись, подавала тетке нужные предметы, протирала нож спиртом и помогала обрабатывать самые простые участки раны. Очень скоро тишина стала гнетущей, почти невыносимой: в ней слишком отчетливо слышалось рваное дыхание и сдавленные стоны. Без разговоров, помогавших отвлечься, в голову начали лезть неприятные мысли. Например, о том, что монстры до сих пор рыщут где-то поблизости, и злобности у них ничуть не убавилось; или о том, что воспалившаяся, мерзостно-горячая рана выглядит очень плохо, а бледное лицо Тамикиной спасительницы – еще хуже, так кожа только от сильной кровопотери белеет...

– Все, – едва слышно выдохнула женщина, стягивая последний шов и не глядя бросая в аптечку медицинскую иглу. – Осталось перебинтовать, и можем ехать дальше. Дай воды.

Схватив протянутую Тамикой бутылку, она принялась жадно пить, давась, закашливаясь и проливая воду на подбородок и грудь. Во всех ее движениях появилась болезненная дерганость. Она и раньше была, но не такая сильная: видимо, во время операции женщина собрала волю в кулак и силком заставила ослабевшее тело подчиняться. А сейчас – расслабилась... главное, чтоб не насовсем.

Тамика осторожно сжала ее руку, резко пахнущую кровью и медикаментами. Под горячими от возбуждения пальцами Тамики кожа женщины была холодной, как лед, и такой же влажной. Глупо, наверное, было бы спрашивать ее о самочувствии: и так ясно, что оно пре-

поганое. Но спросить хоть о чем-нибудь хотелось, потому что тишина была слишком нехорошей и вязкой. Тамике в ней снова начал мерещиться далекий вой.

– Теть... я все спросить хотела. Как вас зовут?

– Сельма.

– Очень приятно. А я Тамика.

Сельма криво усмехнулась.

– Надо же, какая вежливая.

– Со мной бывает. А куда мы поедем дальше?

Сельма задумалась. Морщась, приложила ладонь к больному боку; посмотрела на тусклый синий экран, показывающий карту с какими-то стрелочками. Тамика уже пыталась ее прочесть, но ничего не получилось: все обозначения были непривычными, а дороги из-за кучи лишних подробностей казались незнакомыми.

– В твою общину поедем. Садись вперед, будешь лоцманом.

* * *

К общине они выехали глубокой ночью, когда даже самые отъявленные местные отморозки отсыпались за надежными стенами домов, а зверье рыскало по улицам с уверенностью полновластных хозяев. Последние километры пути Сельма преодолела на упрямстве, подстегнутом двумя таблетками ядерного энергетика: изнуренный организм все норовил провалиться в сон, однако она понимала, что, закрыв глаза на минуту, рискует больше никогда их не открыть. Дело было даже не в ране – смертельной та не была и, если им с девчонкой удалось предотвратить заражение крови, уже не станет, – а в обладателях желтых глаз, горящих в темноте, прятках теней, скользящих по стенам, и зубастых челюстей, чавкающих слишком близко. Пока зверушки сторонились машины, оценивая ее как нечто несъедобное и, вероятно, опасное, но Сельма не спешила расслабляться: многие твари, выведенные изобретательными тайерскими живодерами, бросались на все, что движется. Некоторые и вовсе были натасканы на крупную технику: эти не то что "Налетчика" вскроют, как консервную банку, но и броневики расколупают, не обломав когтей.

Тамика об этом не подозревала, а потому чувствовала себя в полной безопасности. Убедившись, что Сельма не собирается умирать и чувствует себя довольно сносно, она окончательно успокоилась и, кажется, стала воспринимать происходящее как веселое приключение, которое подходило к счастливому концу. Этому дикому детенышу явно пришлось по душе мягкое кресло: Тамика и минуты не могла просидеть, не попытавшись улечься, свернуться клубком, откинуть спинку назад, забраться на сиденье с ногами или пристроить их на любую удобную поверхность. Сельма не реагировала, только один раз молча спихнула грязные босые пятки (девчонка зачем-то сняла обувь) с приборной панели.

"Черт с ней. Заслужила немного расслабиться".

– Ну вот, почти на месте! – радостно сообщила Тамика, когда впереди показались редкие точки электрических огней и ярко-рыжие всполохи живого пламени. – Вы как, тетя? Хуже не стало?

Сельма отделалась немногословным "нет", но девчонке этого оказалось достаточно, чтобы растрескаться вовсю.

– Вовремя мы вашей раной занялись. Я уж боялась, что вы от кровопотери помрете. Но вы все равно к Марисе, нашей врачихе, зайдите. Как приедем, я сразу к ней забегу и разбужу, чтобы она вас осмотрела. Обратного в Новый город сегодня ехать не надо, не доедете: я же вижу, что вам до сих пор плохо. А так переночуете, поедите нормально... можете, кстати, утром к моей хозяйке зайти и оплату с нее стребовать за то, что меня спасли. Вот у старой карги морда вытянется!

Сельма невольно улыбнулась, с трудом подавив глупое желание потрепать девчонку по голове. Это маленькое диковатое существо нравилось ей куда больше, чем следовало. Товар

вообще не должен нравиться: это хозяин может привязаться к своей рабыне, как любой человек привязывается к домашнему зверьку, а продавцу даже имя "зверька" знать не следует, чтобы глупых мыслей в голове не возникало. Вот у Сельмы – возникли. Черт бы побрал тайерскую обезьяну на стероидах, из-за которой простая вылазка превратилась хрен пойми во что! Теперь еще неизвестно, получится ли мирно забрать девчонку из родной общины, и во сколько обойдется сделка с ее нынешней хозяйкой.

"Или вовсе плюнуть на заказ, оставить мелкую в покое? Заслужила ведь, что отрицать. Не каждый день встретишь такого храброго детеныша".

Сельма помотала головой, гоня прочь этот сентиментальный бред. Не для того она мучилась, спасая Тамику от мутанта. Не для того сейчас терпит дикую слабость и резкую, пульсирующую боль в разорванном боку. Дите, конечно, жаль, и даже очень. Но Маброх обещал вполне утешительный гонорар.

Перед глазами на миг заплесали черные мушки, и Сельма опустила оконные стекла, впуская в машину холодный ночной воздух. Немного полегчало, но обманываться не стоило: если сейчас свернуть к Новой Лайотре, как она подумывала сделать, ее просто вырубят на полпути.

В общину все-таки придется наведаться. Может, это и к лучшему: пусть детеныш проведет еще одну ночь с верой в человечество. Завтра маленькой Тамике придется распрощаться с ней навсегда.

* * *

Домой Тамика вернулась только после того, как сдала Сельму на руки бесцеремонно разбуженной Марисе. Врачиха поворчала, но больше для порядка: она была доброй теткой и никогда бы не отказала раненой в помощи, будь та хоть богатой чужачкой из Нового города, хоть обдолбанной наркоманкой, помирающей от передоза. Сельма вроде бы чувствовала себя нормально – по крайней мере, до больницы смогла дойти самостоятельно и даже почти не шаталась, – так что свой долг Тамика посчитала выполненным. Можно было наконец завалиться спать. Утром она еще обязательно зайдет к Сельме, проведает. Ну и попрощается, как же без этого.

Почему-то от мысли, что Сельма скоро уедет и больше никогда не вернется, становилось очень грустно. Глупо, конечно, скучать по женщине, знакомство с которой продлилось меньше суток, но Тамика знала, что скучать будет обязательно. Сельма была совсем не такая, как тетки из общины. Она – крутая, сильная и красивая, совсем как героини комиксов. Даже Авидия, бессменный кумир Тамики на протяжении многих лет, на ее фоне превращалась в обыкновенную старуху – толстую, потрепанную жизнью, грязную и, к тому же, одноглазую. Унылую, как и все вокруг.

"Да что там! Авидия – прям-таки вся унылость Старого города, собранная в одной бабке. Если на много километров вокруг не сыскать человека круче нее, то что об остальных говорить?"

Тамика задрала голову, разминая шею. Плечи вновь оттягивал рюкзак, полный ценного хлама и теперь уже наверняка битой посуды, и тащить его было гораздо тяжелее, чем днем. С темно-синего неба подмигивали те немногие звезды, которым удавалось пробиться сквозь прорехи в рваных плотных облаках. Уличные фонари, сосущие энергию из дохленькой подстанции, горели неровным голубоватым светом, то зажигаясь ярко-ярко, то почти затухая. Ветер хлопал мокрым тряпьем, развешенным на просушку; где-то вдалеке слышался вой – хорошо, что не такой, как в последние несколько ночей. В холодном воздухе витали запахи плесени, гнилья и вонючего дыма от костров, разведенных в железных бочках.

Тоска одолела Тамику вконец. И вот так ей жить? Всегда, до глубокой старости? До встречи с Сельмой она почти не задумывалась над этим: принимала все как должное, мечтая только о том, чтобы вырасти, стать самостоятельной мусорщицей, обзавестись более-менее

симпатичным парнем и когда-нибудь возглавить общину, как Авидия. Теперь даже думать о таком "счастье" было тошно.

"Развесила нюни, – раздраженно фыркнула она, поправляя норовящую сползти лямку рюкзака. – Радоваться надо, что спаслась, а не хныкать. Будто что-то новое узнала! Кто-то рождается в нормальных городах, а кто-то – в таком, как наш, или вовсе в диких землях. Нас, оборванцев, в местах побогаче никто не ждет. Нечего из-за этого сопли на кулак наматывать".

У порога Миллитиного дома Тамика похлопала себя ладонями в поисках ключей. Те оказались именно там, где должны были оказаться: во внутреннем кармане, застегнутом на заедающую молнию. Тамика всегда клала их именно в него, чтобы ни в коем случае не потерять.

Ключ провернулся в старой скважине с мерзким скрежетом. Толкнув дверь (хорошо, что у Миллиты не хватало силенок подпереть ее самостоятельно), Тамика шагнула в родной затхлый полумрак и тут же расчихалась. Вроде бы убиралась она совсем недавно, а пылица уже висела в воздухе стеной: трухлявые полы, старая мебель и ветхие ковры ее не только накапливали, но и производили, понемногу рассыпаясь в прах.

Стоило Тамике сделать шаг, как деревянные доски надрывно заскрипели под ботинками. Девочка досадливо закусил губу: не хватало только разбудить мерзкую старушенцию! Тамика вообще предпочитала не пересекаться с тетушкой лишний раз, а уж тем более – с тетушкой разбуженной и злой. Вряд ли она встретит блудную батрачку радостными объятиями и вкусным завтраком.

То, что надеждам спокойно прошмыгнуть к себе на чердак сбыться не суждено, Тамика поняла, услышав знакомые шаркающие шаги.

– Кто здесь? – донесся из гостиной визгливый голос Миллиты. – А ну пошли отсюда, стервятники, пока перья на месте!

Тамика презрительно фыркнула: даже ее годам к восьми перестало пугать это дребезжащее тьяканье. Неужели Миллита настолько тронулась умом, чтобы думать, будто грабителей оно сможет впечатлить?

– Это я вернулась, тетушка. Спите дальше.

Полы в гостиной заскрипели особенно надрывно. Наверное, даже гнилым доскам было противно носить на себе Миллиту. Та не заставила себя ждать: прошаркала в коридор с резвостью, какую не заподозришь в таком тщедушном тельце. Тамика понятия не имела, сколько Миллите лет. Все годы, что они жили вместе, хозяйка выглядела, как тощая скелетина, вечно завернутая в драную шаль. Еще она пыталась укладывать жиденькие седые волосенки в красивые прически, подсмотренные в старых журналах мод, но получалось убого. Тамика однажды сказала об этом напрямик, а потом с гордым видом врала друзьям, что губу в кровь расшибла, подравшись с уличными бандитами.

– Вернулась все-таки, поганка, – пробрюзжала старуха, поправляя очки на тонком и, наверное, когда-то красивом носу. – Где тебя так долго носило?

– Меня сожрать хотели, – буркнула Тамика. – А я не хотела, чтобы меня жрали. Можно мне уже спать пойти, а? Я устала.

– Устала она... с друзьями, небось, таскалась, дрянь неблагодарная. Вот радуйся, что меня под вечер радикулит прихватил, отлупить тебя как следует не могу! Товар принесла?

Обычно Тамика пропускала такие слова мимо ушей. Подумаешь, Миллита опять ведет себя как последняя тварь. Она всегда так себя вела, даже когда Тамика была совсем маленькой и надеялась, что тетушка ее полюбит. Но сегодня в голове как перемякло что-то: девочку вдруг охватила жгучая обида, от которой хотелось плакать, грязно ругаться и кидаться в мерзкую старушенцию тяжелыми предметами. В груди стало жарко и тесно, словно там поселился толстый бесенок с огненными крыльями: такого изображали в глупых детских книжках, рассчитанных на маленьких идиотов. Ну кто еще поверит, что детей на

плохие поступки толкает какой-то рогатый пузатик? Тамика всегда смеялась над этими картинками, а вот сейчас сама готова была поверить в бесенка. По крайней мере, что-то злое внутри нее точно поселилось.

— Ага. Подавись! — прошипела она и швырнула рюкзаком прямо в Миллиту. Та с визгом отшатнулась. — Чтоб тебя прикончили из-за этого хлама, сволочь.

От возмущения Миллита аж подавилась вздохом.

— Ты... да ты как смеешь так со мной разговаривать, паршивка?! — визгливо воскликнула она. — А ну-ка поди сюда, дрянь! Все, лопнуло терпение. Сейчас ты у меня так получишь, что до рассвета встать не сможешь!

— И кому от этого хуже будет, а?! Ты ж без меня задницу подтереть не можешь, карга старая!

— Я не собираюсь терпеть хамство от неблагодарной нахлебницы! Еще одно слово, и будешь ночевать на улице!

— Ну и буду! И ночевать, и жить, если придется!

Старуха уже готова была разразиться очередной тирадой, но Тамика не стала слушать. Она развернулась и вылетела за порог, так сильно хлопнув дверью, что в ушах зазвенело. По разгоряченному лицу хлестнул ледяной ветер. Несколько секунд она так и стояла: запрокинув голову, ловила ртом прохладный воздух. Глаза щипало: машинально утершись рукавом, Тамика поняла, что плачет.

"Что я ей сделала?! Хоть бы раз по-человечески отнеслась, сволочь. Черт с ней, с любовью, но почему нельзя нормально жить вместе? Я же хотела... пыталась с ней ладить, тетей ее называла, хотя какая она мне тетя..."

Тамика всхлипнула — то ли жалобно, то ли злобно. Она злилась на саму себя: за глупую вспышку гнева в том числе, но куда сильнее — за это беспомощное нытье. Миллита того не стоила. Вообще никто не стоил. Она бы еще мамашу, бросившую ее с этой каргой, припомнила!

Несколько раз шмыгнув носом и утерев слезы, Тамика заставила себя собраться. Можно беситься, можно реветь, а делать что-то надо. Ночевать на улице — все равно что повесить себе на шею вывеску "Свежее мясо. Чудовищам — даром". Стучаться к Миллите? Она впустит. Не потому, что пожалеет, конечно: просто без Тамики старуха действительно как без рук. Но унижаться перед этой гадиной? Дать вытереть об себя ноги, чтобы получить разрешение поспать на тухлявом, кишасщем клопами матрасе? Ну уж нет. Ни за что.

Тамика поежилась от холода. Старые дома неприветливо пялили на нее пустыми темными окнами. Можно было пробраться в один из незаселенных и переночевать там. Или постучаться к кому-нибудь из друзей: их родители, конечно, поворчат, но Тамикку впустят. Особенно если пойти к Кирни: у нее отличная мама, очень милая, да и отец вполне ничего, хоть и надирается иногда. Но беспокоить их и навязываться было как-то неловко.

Совсем рядом послышался подозрительный хруст. Тамика испуганно вздрогнула и приготовилась дать деру, но "монстром" оказалась обыкновенная крыса. Девочка мстительно запустила в нее камнем, желая не столько пришибить, сколько сорвать злость. Гадкое создание с писком припустило по улице, прямо к рыночной площади.

Тамика призадумалась. На рыночной площади стояла больница Марисы. Разве добрая врачиха откажется приютить ее на одну ночь? Она ведь знает, что Тамика не станет воровать лекарства или еще как бедокурить... к тому же, там Сельма, которую обязательно надо проведать, прежде чем она уедет.

Решение созрело мгновенно. Показав в окно Миллитино дома неприличный жест, Тамика поспешила вслед за крысой.

* * *

В больничной палате спалось отвратительно. Большую часть ночи Сельма провела в муторной полудреме, то проваливаясь в сон, то пробуждаясь от очередного приступа боли. Анестетики и лекарства местная костоправка, похоже, получила в наследство от предшественницы, как семейно-профессиональную реликвию: некоторые препараты годились скорее на полку в музей медицинской науки, чем в дело. Интоксикацию они давали такую, что Сельма и впрямь забыла о своей ране – куда сильнее донимали тошнота, жар и ломота в суставах. В минуты, когда мысли не растекались по голове вязким киселем, она задыхалась от сырого затхлого воздуха, пропахшего болезнью, лежалым бельем и мышами.

Что хуже всего, Сельма чувствовала себя абсолютно беспомощной. Каждый шорох заставлял ее нервно вздрагивать и шарить рукой по полу в поисках винтовки. Верная МЕТТ неизменно обнаруживалась прислоненной к стене, ровно на том месте, где Сельма оставила ее, но спокойствия это почти не прибавляло. От яда оружие не спасет, да и при нападении сейчас бесполезно – в быстроте реакции любой мало-мальски шустрый мужичок даст сто очков форы вялой, как резиновая кукла, наемнице. Лежа на спине и пялясь в потолок, Сельма пыталась хотя бы разозлиться – на костоправку с допотопными лекарствами, Тамику с ее заботой и себя саму, – но даже злость выходила дохлой. "Отдых" вкупе с "лечением" вынимали последние силы.

На улице какая-то животиная решила продрать глотку. Сельма страстно пожелала твари сдохнуть в муках: в тяжелой, будто похмельной голове вой отдавался взрывом баллистической ракеты. Заснуть получилось лишь под утро, когда грязно-розовый свет уже всюду пробивался сквозь застиранную кружевную занавесочку на одиноком окне.

Первым, что Сельма увидела после пробуждения, были худые детские коленки в мешковатых штанах.

– Привет! – воскликнула Тамика, сидевшая на вплотную пододвинутом к койке стуле. Тот был явно высоковат, и девчонке пришлось согнуться в три погибели, чтобы их с Сельмой лица оказались на одном уровне. – Вы как себя чувствуете?

"На ловца и зверь бежит". Прежде ситуация бы Сельму изрядно позабавила, но сейчас вызвала лишь глухое раздражение. Неужели этой девчонке никто не говорил, что от незнакомых людей надо держаться подальше?

– Нормально, – пробормотала Сельма, садясь на постели. Что удивительно, не соврала: ночная дурнота отступила, оставив на память о себе вполне терпимую ломоту в висках, рана тоже вела себя сносно. Будь Сельма чуть более благочестивой прихожанкой, то обязательно проставилась бы богам за внеурочное чудо. – Ты что здесь забыла, ребенок?

– Вас, – ни капли не смутившись, ответила маленькая бестолочь, беззаботно болтая ногами. – Я с хозяйкой сильно поругалась, вот и пришлось ночевать здесь. Я еще ночью хотела к вам зайти, но Мариса не разрешила. Вы, кстати, воды хотите? Мариса сказала, что вас обязательно надо напоить, когда проснетесь.

Слова у этого ребенка не расходились с делом: в ту же секунду Сельме под нос была сунута керамическая кружка с водой. Сельма осушила ее в несколько жадных глотков, даже не поморщившись от ржавого привкуса, оставшегося на языке.

Тамика смотрела на нее с гордостью медсестры, выхотившей своего первого пациента. Умилно до тошноты. Надо было вчера хватать это чудо с грязными косичками, не разминиваясь на разговоры. Волосы намотать на кулак, рвануть на себя, ударить шокером куда придется – и в машину, пока не очухалась. Черт дернул замешкаться...

– Кстати, с вами Авидия хотела встретиться. Ну, глава нашей общины. Я пообещала ей сказать, когда вы проснетесь.

Сельма проглотила просящуюся на язык ругань. Глупо было бы ожидать, что новость о госте из Нового города не разлетится по всей общине вместе с говорливыми очевидцами. Да и "Налетчика", припаркованного прямо у больницы, не заметит разве что слепой.

"Что ж, Авидия так Авидия. Посмотрим, что надо этому первому лицу на помойке".

– Тогда чего ждешь? Ноги в руки, и беги докладывать. Я не собираюсь торчать в этой дыре целый день.

Тамика спрыгнула со стула, не забыв обиженно фыркнуть что-то про "спасибо-пожалуйста", и шуганным зайцем вылетела за дверь. Передвигаться шагом этот ребенок то ли не умел, то ли не считал нужным.

Пока девчонка носилась в поисках Авидии, Сельма неторопливо приводила себя в порядок. Насколько, конечно, было возможно: одежда после вчерашних подвигов годилась разве что нищим на подаяние. И то – в Лайотре попрошайки бы посчитали такой дар за личное оскорбление. Но Сельма не с губернатором общаться собралась, а у местных скорострельная винтовка и умение с ней обращаться вызовет куда больше уважения, чем безупречный костюмчик.

Когда в палату постучали, Сельма уже доедала завтрак за небольшим откидным столиком. Местная докторша косилась на пациентку с нескрываемой опаской и еду ей подавала торопливо, будто боялась, что Сельма сейчас бросится на нее и откусит руку по самый локоть. Это забавляло, как и скорость, с которой она кинулась открывать дверь. То ли норов у Авидии был горячий, то ли костоправке не терпелось избавиться от общества Сельмы.

– Выйдите все, – раздался из-за порога низкий, почти мужской голос. – Тамика, к тебе это тоже относится.

– Но я же!..

– Мне повторить?

Девчонка сникла и понурой мышкой шмыгнула прочь. За ней, уже с куда большей охотой, последовала костоправка Мариса. Сельма же уселась в вполоборота к двери и, облокотившись на столешницу, с изумлением посмотрела на вошедшую.

"Не может быть".

Слух еще мог подвести. Мало ли в мире мужеподобных баб с прокуренным басом? Но второго такого фактурного лица вряд ли сыщешь во всем Литтере.

– Лайла? Вот уж кого не ожидала здесь встретить.

Старуха, теперь называвшая себя Авидией, удивленно хмыкнула – будто лошадь после водопоя отфыркивалась.

– Сельма? Вот так да. И какими ветрами лучшую девчонку Маброха Вшивого Козла занесло в наши края?

– Все теми же, Лайла, все теми же. Которые к деньгам.

– Ну конечно. – Старуха бесцеремонно уложила внушительный зад на койке, и та жалобно скрипнула под ее весом. Улыбка, которую она адресовала Сельме, должна была выглядеть дружелюбной, но сколотые зубы и черная повязка на глазу придавали ей очень уж зверский вид. – Ты, красавица, осторожнее лови такой ветерок парусами. А то, неровен час, пропишешься здесь так же, как я...

Лайла-Авидия грубовато хохотнула, Сельма ответила ей натянутой улыбкой. В те времена, когда эта женщина курировала у Маброха работоторговлю, они неплохо ладили. Поладят ли теперь – черт знает. Преступники в бегах обычно не любят отпускать свидетелей, и старая дружба в таких делах – аргумент довольно слабый.

– Надо было догадаться. Авидия... "народная освободительница", "женщина, восставшая против рабства"... злое у тебя чувство юмора, Лайла. Чернушное.

– Жизнь такая. Представь себе, тот тайерский паренек до последнего думал, что я его из плена по доброте душевной спасла. Бывают же люди... не испорченные интеллектом. С его подачи имечко и появилось. Курить будешь?

– Завязала.

– А, муж не одобряет? Ну, это он правильно. Не должна красивая бабенка дымить, как старая выхлопушка.

– Винс может засунуть свое неодобрение себе в задницу. Мы уже почти год как разбежались.

Лайла щелкнула зажигалкой и затянулась, прикрыв глаза от удовольствия. В нос ударил знакомый аромат "Черной Мэйбл". Сельма привычно помахала рукой у лица, отгоняя густой дым.

– Хорошо пошла... насчет Винса ты зря так. Хороший парень. Получше многих, во всяком случае. Зато теперь ясно, почему ты снова ввязалась в торговлю малолетками. Помнится, тебе вечно такие дела поперек горла стояли... но какая, нахрен, совесть, когда приходится и счета оплачивать, и тратиться на девичьи капризы из своего кармана, а, Сельм?

Сельма поморщилась, будто обнаружила тухлятину среди водянистых кусочков тушенки.

– Как догадалась?

– А тут большого ума не надо. Не из альтруизма же ты спасла нашу Тамику, рискуя собственной красивой шкуркой.

Лайла покровительственно потрепала Сельму по плечу. Зашлась было смехом, но тут же оборвала его. Ее грубое, словно выдолбленное из камня лицо посерьезнело; единственный здоровый глаз прищурился, веселые искорки в его глубине исчезли, как не бывало.

– За то, что спасла девчушку, я тебе благодарна. Тамика мне всегда нравилась... так что знай: бесплатно я ее тебе не отдам. Придется раскошелиться, если хочешь вернуться к боссу с подарочком.

Сельма криво усмехнулась. Все складывалось даже проще, чем она ожидала... вот только в душе вновь всколыхнулся горьковатый осадочек. Ей бы радоваться и потирать руки в предвкушении гонорара, но не получалось. Тамикина доверчивая мордашка вспоминалась слишком ярко.

– А ты тоже старое не забываешь, как я погляжу? Знаешь, а ведь девочка тебе верит. Я видела, с каким восторгом она прыгала вокруг тебя.

– Она и тебе верит, – невозмутимо вернула шпильку Лайла. – Дети вообще любят верить кому попало, и в том их беда. Семисот литтаров будет вполне достаточно, чтобы моя совесть спала спокойно.

– Завышаешь.

– Занижаю. Я еще не забыла расценки на симпатичных малолеток. Шестьсот пятьдесят, или пойдешь ловить девчушек по другим общинам. Смотри сама.

Лайла не стала говорить, что будет, если Сельма решит поохотиться на ее территории самостоятельно. Та сама все хорошо знала. Натравить на раненную чужачку всю общину – минутное дело для женщины, руководившей охотой за живым товаром в целом регионе. Либо Сельма будет играть по ее правилам, либо не будет играть вообще.

– В общине нет других девочек ее возраста?

– Хочешь сделать оптовую закупку? Не выйдет, Сельм. Тамика у нас единственная сирота таких лет. Не хочу будоражить людей, отнимая дочек у любящих мамаш и папаш. Хочешь, могу сторговать двух оборванок постарше? Пятнадцать и шестнадцать лет, самый сок. Ходовой товар, без меня знаешь.

Сельма поморщилась. Нет уж, ей одной хватит. Пожалуй, даже с лихвой.

– Обойдусь.

– Тогда остается Тамика. Берешь?

– За шестьсот ровно.

– Наглеешь.

– Тебе и триста вряд ли на голову упадут.

– Твоя правда. Черт с тобой, забирай.

Лайла хлопнула могучими ладонями и с довольным видом откинулась к стене, не забыв подложить под спину подушку. Внезапно гаркнула во все легкие, так, что даже Сельма вздрогнула от неожиданности:

– Тамика! Хватит подслушивать под дверь. Иди сюда.

С каким-то смешанным чувством облегчения и совсем уж глупого стыда Сельма наблюдала, как Тамика несмело входит в палату. Наметанный взгляд тут же выцепил и покрасневшие, припухшие глаза, и нервные движения пальцев, то сжимавшихся в кулаки, то впивавшихся в ладони. Казалось, даже косички понуро обвисли, как хвост у побитой собаки.

– Раз ты все слышала, объяснять ничего не стану, – сурово прогремела Лайла. – Теперь ты собственность госпожи Амьер. Ты у нас умная девочка, думаю, сама понимаешь, что покрывать тебя, если вздумаешь дать деру, никто не будет. Поедешь, куда повезут, сделаешь все, что велят. И все это – молча. Голос подавать будешь, только если спросят. Понятно?

Тамика молча кивнула. Впервые за все их непродолжительное знакомство Сельма увидела ее такой несчастной: девочка явно готова была расплакаться в любой момент, сдерживаясь лишь из упрямства. Неожиданно для себя самой Сельма подошла к ней и положила ладонь на худенькое плечо. Тамика вздрогнула, но бежать не стала: только обиженно зыркнула исподлобья и вновь принялась изучать мыски потрепанных ботинок.

– Думаю, наручники и поводок нам ни к чему, – сказала Сельма тихо. – Ты ведь будешь хорошей девочкой, Тамика?

Тамика напряглась, вся сжалась, как пружина – того и гляди, подскочит, распрямившись. Глаз она не поднимала, но Сельма заметила одинокую слезинку, которая, скатившись по грязной щеке, повисла на кончике носа.

– Конечно, буду, – буркнула девочка. – Вы же знаете, что мне все равно некуда бежать.

* * *

Еще вчера Тамика мечтала уехать из Старого города. Хоть как-нибудь, хоть с кем-нибудь – лишь бы подальше отсюда, к безопасности и нормальной жизни, о которой она знала только по журналам, книжкам да старой рекламе. Сегодня Тамика, прижавшись носом к окну машины, смотрела, как ненавистные трущобы остаются позади, и размазывала слезы по лицу.

Все должно было быть не так! Она собиралась скопить достаточно денег, чтобы ее пустили жить в Новый город, как нормального человека. На худой конец – охмурить, как мамаша, симпатичного богача и уехать вместе с ним. Детские мечты о том, что мать за ней вернется, Тамика с высоты своих десяти с половиной лет считала наивными, но все же хранила глубоко-глубоко в душе, чтобы никто о них не узнал и не высмеял. А в итоге все вон как сложилось...

Тамика забралась на сиденье с ногами и уткнулась лицом в колени, чтобы Сельма не услышала, как громко она сопит. Не хотелось показывать перед ней слабость, особенно теперь. Умом Тамика понимала, что обижаться на нее глупо: ничего личного, каждый крутится как может, и что там еще взрослые говорят... но все равно обидно было до рева. Они же помогли друг другу, а это чего-нибудь, да стоит! Тамике казалось, что теперь они не совсем чужие, раз такое вместе пережили. А оказалось – чужие. Просто одна маленькая девочка слишком любит придумывать себе всякую ерунду, вот и все. Как с Авидией. Про нее Тамика тоже достаточно глупостей нафантазировала... пора бы уже запомнить, что настоящие люди об этих фантазиях не догадываются и соответствовать им не собираются.

Тамика сердито утерла слезу кулаком. Жалеем себя, как маленькая! Но, с другой стороны... если не она, то кто еще? Сельма с Авидией ей очень наглядно показали, что другие ее жалеть точно не станут.

– Ты, наверное, проголодалась, – бросила Сельма, даже не повернув головы. – В спинке сиденья есть ящичек для всякого хлама. Покопайся в нем, там должны были завалиться протеиновые батончики.

Героини комиксов в таких случаях гордо задирали нос и говорили нечто пафосное и глупое, вроде "Я лучше умру с голоду, чем приму подачку от тебя!" Тамика, в отличие от нарисованных красавиц, хотела есть, а потому буркнула угрюмое "ага" и принялась рыться в поисках батончиков. Те нашлись быстро, в компании медицинских пластырей, изоленты, непонятных болтов и каких-то бумажек. Из съедобного Тамика еще обнаружила нетронутую упаковку леденцов и здраво рассудила, что они тоже для нее. Не станет же Сельма набрасываться на нее из-за конфеток?

"А Миллита бы стала – за то, что взяла без спроса, – подумалось вдруг ей. – Может, не так уж все плохо? По крайней мере, я больше не увижу физиономию этой старухи".

Батончики оказались вкусными, фруктовыми. Тамика и сама не заметила, как сточила их все: голодный желудок по-прежнему просил добавки и не утомился даже после целого пакетика леденцов, съеденных на десерт. Настроение немного поднялось – у Тамики даже появилось желание смотреть в окно.

В этой части Старого города ей бывать никогда не доводилось: дома здесь были выше, но скучнее, чем в центре – ни тебе резных каменных фигур на стенах, ни затейливых крыш, ни витых заборов. Только высотки из стекла и бетона, да широченная "ав-то-ма-ги-страль", прямая, как ковровая дорожка у Миллиты в коридоре. Пару раз Тамика замечала, как что-то скачет по крышам, а однажды через дорогу перебежало мохнатое создание, похожее на большую собаку, но нападать зверюги не решались. Думали, наверное, что машина сильнее.

Все было так спокойно и однообразно, что Тамика заскучала. Грустные мысли, ненадолго отступившие под натиском фруктовых батончиков и леденцов, снова начали одолевать ее. Вспомнились Мирам и Кирни, вспомнилась другие ребята, собиравшиеся по утрам и вечерам на крыше больницы... они, конечно, заметят, что Тамики нет. Наверняка сочинят страшную, но очень крутую историю о том, как она нашла старую военную базу тайерцев и почти вынесла оттуда все сокровища, но огромный зверокиборг набросился на нее и растерзал как раз в тот момент, когда Тамика разбиралась с устройством навороченного лазерного пистолета. Она знала, что сочинят: традиция такая была у ребят из Старого города – придумывать пропавшим товарищам интересную судьбу, чтобы их смерть не казалась слишком обидной. Не пройдет и недели, как все забудется: в компании о Тамике больше не вспомнят, а Мирам, смотревший на нее влюбленными глазами, начнет клеиться к другим девчонкам. Скорее всего, к Кирни. А Тамику в это время будут продавать на рынке – как пылесос, только живой.

Скинув надоевшие ботинки, Тамика вытянулась на сидении во весь рост, улеглась на бок. Взгляд зацепился за какой-то предмет, валявшийся на полу. Как оказалось – поводок. Похож на собачий, только крепче. Тамика перевернулась на спину, чтобы его не видеть, и стала смотреть в потолок. Не интересно, но хоть о будущем рабстве ничто не напоминает.

Дорога убаюкивала. Очень скоро глаза у Тамики начали слипаться: в конце концов, вчера она очень устала, а поспать нормально так и не смогла – переживала за Сельму. Дуреха. Как там говорила Авидия, которая на самом деле Лайла? "Дети слишком любят доверять кому попало". Жаль, что она права.

Несмотря на горькие мысли, Тамика быстро задремала. А когда проснулась, мир вокруг изменился.

Сперва, только-только продрав глаза, она испуганно пискнула и, закрыв голову руками, скатилась под сиденье: отовсюду доносился страшный гудящий рев, от которого вибрировали борта аэромобиля, а из ушей, казалось, вот-вот потечет кровь. "Монстры!" – решила Тамика и приготовилась бежать со всех ног. Однако секунды шли, а чудовища все не напа-

дали, да и Сельма вела машину слишком неспешно для человека, который чего-то боится. Ужас, вцепившийся в сердце колкими коготками, понемногу отпускал. Набравшись смелости, Тамика решилась высунуться из-под сиденья и выглянуть в окно.

В тот же момент все страхи вылетели у нее головы: все место занял чистый, перехватывающий дыхание восторг.

– Вот это да... – зачарованно выдохнула Тамика, прижимаясь лбом ко стеклу.

На улице творилось что-то невообразимое. Тамика будто попала на другую планету, потому что на этой – беспросветно-унылой и вечно пыльной, – просто не могло быть таких чудес. Казалось бы, такие же дома, такие же дороги, как и в Старом городе, но все красочное, новехонькое и ухоженное, все сверкает разноцветными огнями – настолько яркими, что глазам больно смотреть... а машины! Десятки, да нет, сотни, или даже тысячи машин проносились за окнами и ревели, как стая монстров; их было так много, что некоторые не могли сразу проехать в нужную сторону и выстраивались в длинные очереди. Сельма вполголоса ругалась на какие-то "пробки". Похоже, ее Новый город совсем не восхищал.

В тот момент Тамика позабыла обо всем на свете. Забыла о том, что никогда больше не увидит друзей. Забыла, что ее предали единственные взрослые, которым она хоть капельку доверяла. Забыла, что ее ждет рабство. В голове сделалось легко и весело, сердце билось часто-часто, то приятно сжимаясь, то снова ускоряя темп. Даже промелькнула шальная мысль: а может, ей повезло? Разве может здесь быть хуже, чем в Старом городе? А не попадись она Сельме, так бы и копалась в руинах до старости...

Вскоре они свернули с длинной широкой улицы вглубь города. Машин здесь было чуть меньше, зато людей – гораздо больше. Тамика не могла налюбоваться на красивых женщин в чистой и броской одежде; провожала глазами мужчин, которые тоже выглядели для нее, как инопланетяне – все такие аккуратные, совсем не похожие на грязных оборванцев из общины. Тамике вдруг стало стыдно за собственный вид: а вдруг кто увидит в окно, какая она замызганная? От одной мысли пакостно становилось. Девочка даже откинулась на спинку сиденья, но ей все равно продолжало казаться, что раздетые прохожие тычут в нее пальцами и смеются.

"А ведь здесь очень много людей, – подумала Тамика с легким испугом. – В такой толпе легко потеряться".

В голове яркой звездочкой вспыхнула идея – такая простая и очевидная, что Тамика даже удивилась, как не подумала об этом раньше.

"Если в толпе легко потеряться, то легко и потерять".

Она пнула ногой поводок. Снова представилось, как ее водят на таком по рынку, где вместо товара – живые люди, и всякие раздетые толстомордые рассматривают ее, как кусок мяса, щиплют за щеки, тычут пальцами в царапины и ушибы, сбивая цену... Нет уж, не бывать тому! Расхрабрившись, Тамика подумала даже выпрыгнуть на ходу, но машина, пронесшаяся мимо на огромной скорости, отбила всякое желание так делать. Да и дверная ручка, которую Тамика ради интереса подергала, не поддавалась.

"Значит, надо подождать, пока меня выпустят. А там..."

На загадочном "а там..." ход мыслей сбился. Тамика понятия не имела, как живут в Новом городе, есть ли тут монстры, и как здесь принято обращаться с бесхозными детьми. Может, их отлавливают? Тогда придется прятаться не только от Сельмы, но и от каждого встречного. И все-таки это лучше, чем в рабстве. Прислуживать в каком-нибудь богатом доме Тамика, в принципе, была бы не против, но Мирам рассказывал, что чаще всего маленьких девочек из Старого города продают всяким извращенцам. Или в бордели для таких же извращенцев, только победнее. Мол, такие уроды всегда платят за детей лучше всего. Друг, конечно, мог и прибрехнуть – фантазия у Мирама всегда была буйная, – но проверять не хотелось.

"Я убегу, – решительно подытожила Тамика. – Здесь не Старый город, монстры не сожрут. С голоду тоже не умру. Попрошусь к кому-нибудь батрачкой, стану работать за еду и постель... ну, или воровать буду. Я ловкая и шустрая, а толстомордые – ленивые и неповоротливые. Они-то не прячутся от чудовищ каждый день. Придумаю что-нибудь, лишь бы не к извращенцам".

Тем временем Сельма повела машину по каким-то переулкам. Если приглядеться, становилось ясно, что точно таких же было полно в Старом городе: узкая полоска дороги, зажатая между одинаковыми высотками – зрелище для Тамики вполне привычное. Но на первый взгляд – будто в сказку попала: в каждом окне горел свет, каждую стену украшали яркие рекламные плакаты, в каждой витрине показывали по маленькому чуду – совсем новые, невероятные вещи просто умоляли забрать их себе, и было их так много, что глаза разбежались. И как только местные банды – должны же они тут быть! – еще не растащили все это богатство?

Перед одной из высоток машина замедлила ход и начала медленно, изворачиваясь и пятясь, втискиваться в узкий зазор между другими машинами – неподвижными и, судя по всему, брошенными. "Стоянка", – припомнила Тамика слово. В Старом городе они тоже были, но больше напоминали свалки металлолома.

– Выходим, – объявила Сельма. – Давай без глупостей, детеныш.

– Конечно, тетенька, – кивнула Тамика с самым примерным видом и приготовилась бежать так быстро, как только сможет.

Едва Сельма открыла заднюю дверь, Тамика пулей выскочила из салона и со всех ног бросилась наутек. В ушах засвистел ветер; разом нахлынули восторг и ужас – будто с головой окатили ледяной и горячей водой одновременно.

"Свободна! На-ка, выкуси!"

Тамику разбирал хохот, счастливый до ненормальности; торопливые шаги за спиной скорее подстегивали, чем пугали. Вдруг лодыжку пронзила острая боль. Нога предательски подвернулась, но Тамика каким-то чудом смогла удержать равновесие. В тот же момент болью взорвался затылок: Тамику с силой рванули за косички. На сей раз она все-таки упала – позорно шмякнулась на задницу. Из глаз брызнули слезы; скальп, казалось, вот-вот оторвется, не выдержав натяжения. Очередной рывок заставил ее подняться, еще один – с обреченным хныканьем попятиться назад.

– Я же говорила тебе: "без глупостей", – совсем не злым, даже скучающим голосом сказала Сельма, наматывая косички на кулак, как вожжи. – Почему вы все думаете, что бегаете быстрее меня?

Тамика ничего не ответила, только губы кусала, чтобы не разреветься. Осознание приходило медленно, как боль при переломе – сначала вроде ничего, а потом так нахлынет, что воя сдержать не можешь.

Не смогла. Не убежала. А ведь почти, почти получилось!

– Отпустите, мне больно! – огрызнулась она, утирая слезы тыльной стороной ладони. Получилось не гордо, а жалко. Тамике аж самой противно стало.

Натяжение чуть ослабло, но косичек Сельма не выпустила.

– Больно? – переспросила она со смешком. – Нет, детка. Это не больно. "Больно" – это сапогом под ребра. "Больно" – это кулаком по селезенке или кнутом вдоль хребта. Окажись на моем месте кто-то другой, он бы тебя уже просветил. Может, и мне стоит так сделать, а? Как считаешь?

Тамика хотела сказать что-нибудь гордое, как крутые девицы из комиксов. Но получилось почему-то жалобное, несчастное "не надо".

– То-то же, – Сельма наконец отпустила ее волосы, но вместо этого крепко схватила за руку. Пальцы у нее оказались очень сильные: запястье Тамики они сжали не хуже тисков. –

На первый раз я тебя прощу, но не вздумай выкинуть что-то подобное снова. Себе только хуже сделаешь. Ты поняла меня?

Тамика понуро кивнула. Что тут непонятного? Она облажалась и теперь все-таки попадет в рабство, а если вздумает сопротивляться, ее хорошенько взгреют. Яснее и быть не может.

– Куда мы? Вы меня прямо сейчас продадите, да? – хмуро поинтересовалась Тамика, когда Сельма повела ее ко входу в многоэтажку. Со стороны, они, наверное, напоминали мать с капризной дочкой, которая упрямится и не хочет идти домой. От этой мысли на душе стало совсем гадко.

Сельма усмехнулась

– Погляди на нас, глупый ребенок. Как по-твоему, я могу в таком виде общаться с покупателем? Да и за твою чумазую рожицу никто больше пяти сотен не даст. Приведем себя в порядок, отдохнем, а тогда можно будет и с заказчиком созваниваться.

– Ясно. А кто заказчик? Извращенец, которому нравятся маленькие девочки?

Тамика надеялась, что Сельма рассмеется и назовет ее дурой. Или просто скажет, что она нафантазировала себе чушь, и заказчик – это милый богатый старичок, которому нужна девочка на побегушках. Но Сельма промолчала.

– Теть?..

– Понятия не имею, зачем ты ему нужна, – раздраженно процедила Сельма, почти не разжимая губ. – Я в мотивы клиентов не вникаю.

Тамику это ни капли не успокоило. Остаток пути она проделала молча, стараясь ни о чем не думать. Заметив это, Сельма тяжело вздохнула и зачем-то потрепала ее по макушке. Тамика не знала, к чему это, но решила, что не к добру.

Вряд ли Сельма стала бы жалеть ее просто так.

* * *

Вечерняя программа не баловала разнообразием. Телевизор, купленный на их с мужем последний совместный гонорар, ловил около трехсот каналов, включая тайерские, но смотреть что по родным, что по вражеским было решительно нечего. Несколько художественных фильмов средней паршивости, бесчисленные ток-шоу, музыкальные каналы, как один транслирующие электро-поп... белый шум, одинаковый по обе стороны баррикад. Во всех новостях по-прежнему обмусоливали скандал недельной давности – что-то об экспериментах на людях, которые проводила под своей эгидой Королевская тайная служба Тайера. Стarina премьер-министр, потрепанный жизнью и элитным алкоголем, изображал праведное возмущение и так достоверно пучил глаза, будто в Литтере опыты ставили исключительно на мышках. Впрочем, повод возмущаться у него и впрямь был: в генной инженерии монархисты обскакали Литтер так далеко, что оставалось только плюнуть и дальше совершенствовать химоружие – благо, здесь перевес был на правильной стороне.

Сельма прибавила громкость, хотя истории о зверствах королевских ученых ее интересовали не больше, чем треп тайерских ведущих, с ехидцей рассуждающих о совместимости демократии и рабовладения. Ей надо отвлечься, вот и все. Вытеснить лишние мысли потоком бестолковой информации и для верности залить их орымом. Пара стопок, не больше – достаточно для приятной легкости в голове, но слишком мало для утреннего похмелья. Главное, не увлечься.

Диктор наконец сменил тему, перешел на очередные парламентские дебаты. Кто-то снова пытался протолкнуть отправку гуманитарных миссий в зоны отчуждения, но инициатива увязала в болоте финансовых вопросов. Сельме было все равно – лишь бы не додумались снова задрать цены на лицензии, а то велись одно время разговорчики. Если так дальше пойдет, скоро маленькая Тамика окажется золотой – что по рыночной цене, что по себестоимости.

В дверь гостиной несмело поскреблись. Обернувшись, Сельма встретила глазами с Тамикой: отмытая и причесанная девочка мялась на пороге, теребя край ярко-синей майки. Та была велика даже Сельме, а на худенькой и низкорослой Тамике и вовсе смотрелась балахоном.

– Привет, – смущенно сказала она. – Я тут подумала... в общем, мне одной сидеть очень грустно. Вы не против, если я с вами побуду? Я не буду мешаться.

По-хорошему, Сельме стоило бы запереть это существо в кладовке и не выпускать до самой сделки, но почему-то она позволила ему свободно разгуливать по квартире и даже накормила ужином. Не прогонять же теперь.

– Не против. Только води себя тихо.

Тамика прошлепала босыми ногами по ковру и уселась в угловое кресло. В одной руке она держала пакетик чипсов, содержимым которого тут же принялась хрустеть. Сельма поморщилась, но ничего не сказала – очередной глоток орима подавил раздражение. Помимо приятного вкуса напиток обладал легким седативным эффектом, благодаря которому брак Сельмы продержался на год дольше, чем следовало.

Какое-то время в комнате звучал лишь бубнеж телевизора да хруст Тамикиных чипсов. Но когда стальной фон выпуска новостей сменился кислотными красками рекламы, девочка осмелилась подать голос:

– Никогда раньше не смотрела телевизор. У нас ни один канал не ловит, представляете? Все экраны только шипят и статику показывают...

Сельма удивленно вскинула бровь.

– Ты знаешь слово "статика"?

– Ага. Так дед одного моего друга сказал, а я запомнила. Я много чего запоминаю... ого! Вы видели эту тетку в костюме курицы?! Какой же душой надо быть, чтоб так по улицам расхаживать!

Тамика возбужденно подпрыгнула в кресле, тыча пальцем в экран. Рекламировали набившую оскомину сеть забегаловок, логотип которой – антропоморфная курица в легкомысленном платье, – давно перестал забавлять даже мальков дошкольного возраста. А вот Тамика была в полном восторге.

Выглядело мило. Сельма тоже не сдержала улыбки.

"Пускай детеныш порадует жизни еще немного. Пускай..."

Уголки губ судорожно дернулись и застыли, один ниже другого.

"Пускай – что? Повеселится, пока сама не стала развлечением для старого похотливого козла? Какое благородство. Сама себе удивляюсь".

Схватив бутылку, Сельма плеснула себе еще орима. Она зарекалась пить больше двух стопок. Счет шел уже на четвертую.

– Вы плохо пьете.

Сельма чуть не поперхнулась.

– Что ты имеешь в виду?

Тамика смотрела на нее без намека на недавнюю веселость. Будто это другая девчонка сейчас хохотала над моделью в идиотском костюме.

– Я видела, как пьют пьяницы. Знаете, будто очень горькое лекарство принимают: им вроде и не хочется, а надо. Вы сейчас выглядели так же. Почему? Вам грустно?

– Не твое дело.

– Точно грустно. Иначе бы вы не грубили.

Искренняя жалость девчонки хлестнула по больному. Сельма резким движением, едва не опрокинув, отодвинула на край стола бутылку, а вместе с ней – и нетронутую стопку. Как ни крути, а насчет выпивки этот маленький манипулятор прав.

– Детка, не придумывай, – холодно улыбнулась Сельма. – Почему я должна грустить? Завтра я продам тебя за хорошие деньги, найму на них отличного адвоката и навсегда отделаюсь от бывшего муженька. Подумай лучше о том, чтобы хорошо выглядеть завтра. Как правило, с симпатичными рабынями обращаются лучше, чем с остальными.

– Вот вы и позаботитесь об этом, – тут же окрысилась Тамика. – Симпатичных рабынь и покупают дороже, ведь так?

Больше она не произнесла ни слова: лишь молча смотрела в экран и время от времени без спросу таскала с блюда перченые колбаски. К ориму Сельма так и не притронулась – погрев в ладонях с минуту, ушла на кухню и выплеснула остатки напитка в раковину. Пить совершенно расхотелось. Пропало даже ощущение покоя: вместо него в голове поселились тяжесть и низкий гул, неприятно напомнившие о минувшей ночи.

Когда время вплотную приближалось к двенадцати, а Тамика начала заметно клевать носом, Сельма встала.

– Все, пора спать. Себе постелешь на диване, белье и подушку я сейчас принесу.

Девчонка кивнула и вновь уставилась в экран.

"Решила играть в молчанку? Ну и славно".

Уже стоя в дверях Сельма услышала:

– Спокойной ночи.

Голос Тамики звучал неуверенно, будто она сама не знала, стоит ли вообще открывать рот. Да так оно, судя по смущенно опущенным глазам, и было.

Сельма смолчала, опасаясь, что ее ответ прозвучит еще более жалко.

Алкоголь в этот раз подействовал совсем не так, как она ожидала. Вместо облегчения орим усилил эмоции, которых не могло и не должно было быть.

Оставалось лишь надеяться, что завтра они исчезнут вместе с опьянением. Иначе... иначе у нее и впрямь будут все шансы спиться.

* * *

Никогда еще Тамика не спала так мягко и не просыпалась так поздно. Когда она открыла глаза, на улице было уже совсем светло; солнце ярко светило сквозь прозрачные занавески, и никакая злобная старуха не орала с нижнего этажа, что пора выметаться в руины, собирать товар. Кожа в кои-то веки не зудела от укусов насекомых, от подмышек не воняло потом, а проведя рукой по волосам, Тамика зажмурилась от удовольствия – оказывается, они у нее красивые и шелковистые, просто надо было хорошенько их вымыть.

Тамика спустила ноги с дивана. Невольно хихикнула: чистая кожа была жутко чувствительной, как у младенца, и мягкий ковер приятно щекотал босые ступни. Подбежав к окну, девочка подтянулась на подоконнике, чтобы лучше видеть целехонькие улицы, опрятных людей и сочные лужайки, зеленеющие прямо посреди асфальтовых дорог.

Сказка, да и только. Утром она потеряла многие краски, но хуже ничуть не стала. Может быть, даже наоборот.

Из-за стены послышались голоса. Один явно принадлежал Сельме, а второй был мужским, незнакомым. Тамика вмиг помрачнела. Стоило только обрадоваться, как реальность тут же напомнила, почему Тамика вообще оказалась в этой сказке. Настроение испортилось, точно здоровая черная туча налетела и закрыла солнце.

Покупатель приехал. Ее будущий хозяин.

Первый порыв был совершенно идиотским – сиганув в окно с десятого этажа, она бы, конечно, в рабство не попала, но вряд ли у нее получилось бы насладиться свободой. Второй тоже на гениальную идею не тянул: вряд ли Сельма держала дверь открытой или разбрасывала ключи по видным местам. Оставалось либо ждать, либо выйти к гостю самой.

Ждать Тамика не любила, поэтому выбора, почитай, не было вообще.

В коридоре голоса слышались отчетливей. Они доносились с кухни и звучали почему-то раздраженно, даже зло. "Наверное, о цене спорят", – решила Тамика и, немного поколебавшись, подошла ближе. В конце концов, это ее будущее там обсуждалось, так что она имела право присутствовать. Да и на хозяина хоть поглядит. Может, она себе глупостей навывдумывала, и он на самом деле нормальный?

Затаив дыхание, девочка открыла дверь.

* * *

Сельма очень устала. Устала от бессонницы, мучившей ее до самого рассвета. Устала от Тамики и своего желания то ли поскорее сбыть с рук эту девчонку, то ли послать Маброха в пешее эротическое и в кои-то веки поступить правильно. Но больше всего она устала от Винса, который считал шантаж отличным способом сохранить брак – если не фактически, так хоть формально.

– Сельм, мы уже год мотаем друг другу нервы, и все без толку, – вещал он мягко и снисходительно, будто обращался к маленькому ребенку. – Далась тебе эта квартира! Я ведь выставил тебе нормальные условия по разделу. Либо соглашайся, либо давай подождем с разводом. Поживем вместе еще пару лет, а там, может, все наладится. Ты знаешь, как это бывает...

– Не знаю, – раздраженно оборвала Сельма. – Винс, мы это уже обсуждали. Квартира была куплена до брака на мои деньги, и мне плевать, что теперь ты у нас такой положительный кадровый офицер, а я – наемница из сомнительной конторы. Совместно нажитой я квартиру не признаю, и пусть твои юристы хоть наизнанку вывернутся. Видеть твою смазливую физиономию я тоже не желаю, хоть дома, хоть в паспорте.

Винс сокрушенно покачал головой.

– Упертая, как бронепоезд. Сельм, ты ведь себе хуже делаешь. Мои доходы покрывают судебные издержки. Твои... – он пренебрежительно усмехнулся, – скажем так, иногда они хотя бы появляются. Говорил же тебе, что надо нам обоим возвращаться в армию, но ты сделала по-своему. Теперь не жалуйся на проблемы.

– Я не жалуюсь. Проваливай, Винс, или у тебя появится лишний повод затаскать меня по судам.

– Милая моя, я ведь с тобой по-хорошему...

– Опа! А вы кто такой? – внезапно раздался детский голосок.

Сельма и Винс не сговариваясь обернулись. У двери стояла Тамика – все в той же растянутой майке, взъерошенная со сна и очень любопытная. Большие глаза так и сверкали задорной хитринкой.

Винс недоуменно уставился на ребенка, будто вместо маленькой девочки Сельма приютила у себя инопланетянина.

– Сельма, это еще что?

– Вообще-то, не что, а кто! – гордо поправила Тамика, притопнув ножкой. – Я все слышала. Вы тут не важный человек какой-то, чтобы меня так называть.

Сельма широко улыбнулась. Будь Тамика ее рабыней, долгом хозяйки было бы приструнить зарвавшуюся девчонку. Но Сельма была лишь продавцом и могла позволить ребенку столько вольностей, сколько сочтет нужным.

Правильное до слащавости лицо Винса приобрело крайне забавный вид. Как если бы у него выхватили дипломат, полный денег, и им же с размаху ударили по носу.

– Ты что, удочерила эту малолетнюю хамку?

– А если и так?

Улыбка Сельмы стала еще шире и обворожительнее. "А если и так", то отсудить у нее эту квартиру Винс не сможет, даже если разорится на адвокатах. Его успехи в судах и так

держались лишь на статусе и отличных юристах. Против матери с ребенком он не сделает ни-че-го.

– Вот значит как, – процедил он. – Десять лет я перед тобой на коленях ползал, унижался, о ребенке просил. Тебе было плевать. А оказалось, тебе просто надо было вознаграждение предложить! Ты же все за плату делаешь, а, Сельма?

Сельма спокойно встретила его взгляд. Эти обвинения, не считая маленькой поправки на Тамику, были частью обязательной программы. Ни один визит Винса без них не обходился.

– Все сказал?

– Абсолютно, – процедил он, едва не плюясь. – Спасибо, что выслушала.

– Дверь найдешь сам.

Винс ушел, чеканя шаг, как солдат на плацу. А дверью хлопнул, как истеричный ребенок, у которого отобрали любимую игрушку. Тамика проводила его взглядом и, скорчив рожицу, показала язык вслед.

– Гадкий тип, – констатировала она. – Как вы за него вообще замуж вышли?

– Глупая была. Тебе кто разрешал влезать в разговор?

– Да вы вроде и не против были.

Сельма улыбнулась. Все-таки Тамика – на редкость забавный детеныш. Слишком забавный, чтобы взять и...

Ладонь сжалась в кулак. "Черт возьми, почему же все так сложно..."

– Теперь уже не важно. Хочешь есть?

– Спрашиваете! А накормите?

– Вчерашние отбивные остались, и еще в холодильнике завалялась пара йогуртов. Что понравится, то твое.

Тамике понравилось все: она уплела и отбивную (Сельма не успела ее даже разогреть), и йогурт, и конфеты пугающе-неопределенного возраста. Аппетит этой девчонки мог поспорничать разве что с ее говорливостью. Кажется, о вчерашней обиде она позабыла напрочь – или просто слишком многим хотела поделиться, чтобы вспоминать. Как ни крути, кроме Сельмы у нее в Лайотре никого не было.

Что самое страшное, Сельме начало это нравиться. Нет, не так: нравиться начало давно, а сейчас это "нравится" переросло в нечто большее. Нечто, опасно близкое к материнскому инстинкту.

Она понятия не имела, что с этим делать. Это "нечто" уже не дало ей позвонить Маброху с самого утра и продолжало вносить сумятицу в ее планы сейчас.

– А знаете, – вновь подала голос Тамика, смущенно ковыряя дырку в скатерти, – мне очень понравилась идея вашего бывшего. Ну, вы поняли. Про...

– Про удочерение.

Тон получился суровым и холодным. Именно таким, как должно. Но почему же тогда собственные слова так резанули слух?

Девочка вздрогнула и сникла.

– Ага, – вздохнула она. – Но вы не согласитесь, я все понимаю. Покупатель хоть нормальный? Обижать без дела не будет?

Сельма отвела взгляд. Нормальный... босс из Маброха был отличный. Но целый гарем молоденьких девчушек он держал вовсе не для домашних дел. Отдавать ему в лапы Тамику Сельма не хотела. Вопреки логике и здравому смыслу – не хотела.

"Вот поэтому личные контакты с товаром должны быть сведены к минимуму. Иначе вот так оно и получается. С другой стороны..."

Ни один судья, заботящийся о своем теплом местечке, не решит дело в пользу Винса, если у Сельмы будет ребенок на попечении. Не помогут ни лучшие адвокаты, ни огромные

взятки. Что до контрактов, то они приходят и уходят. Сельма упустит один, но ничто не мешает ей ухватиться за другой. Возможно, менее денежный, но уж точно не такой мерзкий.

— Знаешь, Тамика, — Сельма, улыбнувшись, взяла девочку за руку. — Может быть, ты поняла все неправильно.